

История Вятки

как часть этнической истории

восточной Европы

1. Предисловие

Эта статья, написанная десять лет назад, была своего рода личной программой топонимических и этноисторических исследований Вятской земли как я ее тогда себе намечал. Я не знал, с чего начинать свою работу, поскольку все направления возможных исследований казались очень туманными. Я смутно догадывался о балтийском следе в топонимике Вятки, но сразу возникал вопрос: «Откуда могли взяться в этом регионе балты, если их здесь не было никогда, потому что на Вятке испокон веку жили финноугры?». А как начинать с рассуждений об этнической истории, когда нет конкретных лингвистических фактов? В результате получился некий обзор проблем, который я завершил совершенно скоропалительными «выводами». Впрочем, эти выводы и сейчас, после многих лет работы над этой темой, не кажутся фантастическими, если их назвать рабочей гипотезой, которая требует подтверждения или опровержения.

Две главки первой редакции этой статьи, содержащие конкретные этимологии гидронимов *Вятка* и *Чепца*, развернуты и опубликованы отдельно, поэтому из этого текста они изъяты.¹ Кроме того, в новой редакции статьи я исправил несколько грубых ошибок, на которые мне указали мои оппоненты, либо взявшие на себя труд прочитать эту статью в ее первоизданном виде, либо бросавшие ценные замечания в процессе устных бесед и дискуссий.

Искренне признателен С.К. Белых, В.Г. Долгашеву, В.А. Коршункову, Л.Д. Макарову, В.В. Напольских, В.С. Чуракову и V. Egle за помощь и советы.

---

¹ Об имени «Вятка» // Альманах «Герценка»: Вятские записки. №12. - Киров. 2007. - Сс. 80 – 91; Чепца и удмуртский вопрос // Альманах «Герценка»: Вятские записки. №18. Киров. 2010. Сс. 147 – 165.

2. Традиционный взгляд.

Общая картина появления и распространения (этногенеза) славян и, в частности, русских, по общепринятому мнению, такова. Славяне как племена, имеющие специфические культурные и языковые свойства, возникли на Дунае, на юге нынешней Польши или на Днепре. На исторической арене они проявились в начале I тысячелетия н.э. Во время Великого переселения народов они играли второстепенную роль, но все же поучаствовали в уничтожении Западной Римской империи. По некоторым данным, и вандалы были славянами или полуславянами-полугерманцами. В катаклизмах бурных IV и V веков исчезли многие народы. Славяне заняли территории обитания некоторых из них, ассимилировав оставшихся в живых жителей. К VII-VIII векам они занимали земли нынешних славянских государств средней Европы, север (лесную и лесостепную часть) Украины, часть Белоруссии, Псковщину и Новгородскую землю, часть верхнего Поднепровья. В междуречье Волги и Оки они обитали наряду с балтийским племенем голядь и финноуграми.

Финноугры – народы, говорящие на финноугорских языках, одной из двух ветвей уральской семьи языков. Финноугорская ветвь делится на языковые группы: прибалтийско-финская (финский, водский, эстонский и др.); саамская; мордовская; марийская; пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский); угорская (венгерский, мансийский, хантыйский).

Балтийские народы (балты) – говорящие на балтийских языках. Балтийские языки – группа языков индоевропейской семьи, к ним относятся латышский, литовский и латгальский, а также вымершие прусский, ятвяжский и др. Наиболее близки к славянской группе языков; некоторые исследователи объединяют балтийские, славянские и палеобалканские (языки догреческого населения Балканского п-ова, о-вов Эгейского моря и М. Азии) языки в одну ветвь индоевропейской семьи. Литовский язык считается

наиболее архаичным из всех индоевропейских языков – т.е. наиболее близким к праиндоевропейскому языку-основе.

Все остальное пространство лесной зоны Восточной Европы и Западную Сибирь населяли финноугорские народы. Примерно в середине I тысячелетия н.э. произошло разделение славян на восточных, южных и западных. В VIII веке возникли первые восточнославянские протогосударства – на среднем Днепре и на северо-западе в районе Волхова. В следующие века восточные славяне, получившие общее прозвание русь, покоряли окрестные народы, наполняя собой пространство будущей России. Большинство финноугорского населения, а затем и сибирского (в т.ч. угорского) было ассимилировано, остались лишь отдельные островки на территориях нынешних автономных республик. Так русские дошли к середине XVII века до Тихого океана.

Бассейн р. Вятки был заселен финноугорскими племенами – предками марийцев, удмуртов и коми. Русские стали появляться на этих землях в XII веке отдельными группами, что засвидетельствовано археологией. Первое упоминание о Вятке в русских летописях датируется 1374 годом: «Ушкуйники... пограбиша Вятку».

Ушкуйники (от древнерусского ушкуй – речное судно с вёслами), новгородские отряды (до нескольких тыс. чел.), формировавшиеся боярами для захвата земель на С. и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге и Каме с целью обогащения и для борьбы с политическими и торговыми противниками. Появились в 20-х гг. 14 в. Социальный состав У. был весьма сложным. Походы У. подрывали экономические ресурсы Золотой Орды, но вместе с тем наносили ущерб городам и мешали развитию торговли по Волге и Каме. В 1360 У. во главе с боярином Анфалом Никитиным захватили г. Жукотин на Каме. В 1366 напали на Нижний Новгород и перебили много татарских и армянских купцов. В 1371 совершили грабительские набеги на Кострому, Ярославль и др., в 1375 разбили войско костромичей, разграбили Кострому, Нижний Новгород и дошли до Астрахани, где были разгромлены татарами. В

начале 15 в. в связи с усилением Московского великого княжества походы У. прекратились. (БСЭ).

Более подробный рассказ о заселении Вятской земли дает т.н. «Повесть о стране Вятской», составленная на основе когда-то, возможно, существовавших вятских летописей или преданий и сохранившаяся в списках XVIII века.

Согласно «Повести» новгородцы самовластцы пришли на Вятку в 1174 году (как написано, во время княжения Ярослава Владимировича) и обнаружили вблизи устья Чепцы «Болванский» городок, населенный чудью и отяками (в других списках – остяками). Они овладели этим городом в тяжелом сражении, призвав на помощь святых стратотерпцев Бориса и Глеба и великого князя Александра Невского. Завоеванный город новгородцы нарекли Никулицын «ради речки Никуличанки». На этом месте, вблизи села Никулицына, действительно находится большое городище с несколькими культурными слоями. Верхний относится к XIV веку н.э., нижний – к V веку до н.э. Кроме того, другой отряд новгородцев захватил черемисский город Кошкаров, который «ныне нарицается Котельнич».

Посоветовавшись, новгородцы решили между двумя этими городами поставить новый город, который назвали Хлыновым, «ради речки Хлыновицы», вблизи устья которой и был он основан. В дальнейшем Никулицын, видимо, захирел, а Хлынов с Котельничем (спустя какое-то время к ним присоединился город Орлов) росли и развивались, заселялись новгородцами, участвовали в московских междоусобицах, воевали с татарами и были вполне довольны своим положением, пока не попали под власть московского великого князя. На этом, собственно говоря, история вольной Вятки заканчивается, поскольку она уже вошла в историю Московской Руси.

В 1781 г. Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку (с 1934 – Киров).

Замечательно еще и то, что чудь и «отяки» в других источниках в связи с Вяткой не упоминаются. Впрочем, известно из преданий, что чудь ушла под землю. А отяки – это, видимо, вотяки, удмурты. Деревни, населенные ими,

остались на восточных и юго-восточных окраинах Кировской области. В южных районах довольно много марийцев (черемисов) и татар. Остальное коренное население было, видимо, успешно и в короткий исторический срок ассимилировано или по-тихому уничтожено новгородцами.

Надо сказать, что сведения из «Повести о стране Вятской» были использованы Карамзиным и Костомаровым, причем были поданы последним как факты из «вятских летописей». С легкой руки маститых историков они до сих пор кочуют по историческим трудам. Костомаров как-то заметил: «Нет ничего в русской истории темнее судьбы Вятки...». Через 135 лет ему едко, но справедливо ответил американский историк-источниковед Даниэль Уо (Waugh): «Сам Костомаров не сделал менее «темной» историю Вятки, так как в основном он только повторял сведения из известной «Повести о стране Вятской» в ее «толстовском» варианте».²

В конце XIX - начале XX века «Повесть о стране Вятской» была подвергнута тщательному анализу и критическому разбору со стороны вятских историков, среди которых нужно выделить А.С. Верещагина.³ Было установлено, что она написана не ранее конца XVII, а скорее всего – в XVIII веке. В «Повести» содержится множество исторических несуразностей. В XII веке, например, не было крупномасштабных походов ушкуйников, иначе бы это обязательно зафиксировали дотошные летописцы. Это – реалии XIV века, вызванные ослаблением Золотой Орды, в военно-политический ареал которой входила Северная Русь. Само же Русское государство тогда еще не окрепло. На месте Котельнича и вообще в этом районе не было черемисских поселений – ни по

---

² Уо Д. История одной книги. СПб. 2003

³ Повесть о стране Вятской. Издание и комментарии А.С. Верещагина. Вятка. 1905. Свод летописных известий о Вятском крае. Сост. А.А. Спицын. Вятка. 1883. Переиздание. Киров. 1993

письменным, ни по археологическим источникам. И что за название – Кошкарров? Может быть – Кокшаров? Был такой город, действительно в черемисских местах, но на Волге, в 250 верстах к югу от Котельнича. Назван по реке Б. Кокшага. Был еще Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола) на М. Кокшаге. Еще есть река Кокшеньга, но это уже к северо-западу от Котельнича верст 350. Такое впечатление, что автор «Повести» «слышал звон», да и тот передал неточно.

Есть в «Повести» такой эпизод: новгородцы хотели поставить город Хлынов выше по течению, там, где сейчас Трифонов монастырь. Заготовили лес, но вышедшая из берегов Вятка унесла лес на версту ниже. Там город и поставили. Критики заметили, что это ходячая легенда: примерно такие же истории рассказывают про разные города. И так далее.

Но, подвергнув «Повесть о стране Вятской» уничижительной критике, исследователи оставили этот источник в научном обиходе: ведь если отбросить «Повесть», то не останется вообще почти ничего! Пришлось сделать такой вывод: фактология, наверное, все-таки более-менее достоверная, раз осталась в исторической памяти вятчан. Просто автор «Повести» перепутал год. Он написал 6682 год (1174), а первое упоминание в русских летописях о Вятке датируется 6882 (1374) годом (поход ушкуйников). Значит, описка во второй цифре, поменяем циферку, и все будет нормально! Получилось, как у Пастернака: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»! Подумаешь, на пару веков ошиблись!

Главный историограф Вятки проф. А.В. Эммаусский принял и распространил концепцию достоверности «Повести» со сменой датировки (на 200 лет) похода новгородцев. Осталась одна неувязка. В «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в конце XIV века, вслед за Нижним Новгородом и Курмышем на Суре, стоит город Вятка. Упоминается город Вятка и в летописях, и в договорных документах того времени. А в «Повести о стране Вятской» ничего не говорится о городе Вятке, а только о чудско-отяцком Болванском (Никулицыне), черемисском Кошкарове (Котельниче) и

новгородском Хлынове. Эммаусский блестяще разрешил это противоречие, как бы забыв о мифических Болванском и Кошкарове (тут верим «Повести», а тут не верим?) и добавив к триаде названий главного города (Хлынов – Вятка – Киров) четвертый элемент. Получилось Вятка - Хлынов – Вятка – Киров.⁴

Город на реке Вятке, писал Эммаусский, был один. Сначала он назывался Вятка. Его основанием можно считать 1374 год (из формулы: $1374=1174+200$). В середине XV века на территории города Вятки была построена крепость под названием Хлынов, и затем это название вытеснило первоначальное имя города. Тогда же на реке Вятке ниже по течению были заложены города Котельнич и Орлов. Первые упоминания об этих трех городах в русских летописях относятся к 1457 - 1459 годам. В дальнейшем были основаны города Слобода (Слободской) и Шестаков выше по течению. И уже в XVI веке на марийских землях поставлены города-крепости Царевосанчурск, Яранск, Уржум и Малмыж.

Эта историческая концепция стала официальной, по ней отсчитывается возраст г. Кирова, она излагается в учебных пособиях и берется за основу последующих исторических исследований. Еще раз кратко сформулирую ее суть: Вятская земля была заселена финноугорскими племенами, предками марийцев, удмуртов и коми. Отдельные группы русских проникали на Вятку, начиная с XII века. Новгородцы пришли на Вятку в конце XIV века, победили коренных финноугров – чудь, «отяков» и черемисов - и основали город Вятку (впоследствии Хлынов). Тогда началась интенсивная русская колонизация края, основу которой заложили новгородские ушкуйники. В первые 115 лет своего существования Вятка пользовалась определенной «самостийностью», но после похода, организованного Иваном III, вошла в состав Московского централизованного государства. Народы, ее заселявшие, подверглись мирной

---

⁴ Эммаусский А.В. Вятка в XII – XV веках// Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров. 1995; Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX веков. Киров. 1996 и др. соч.

ассимиляции и сохранили свою национальную идентичность только по краям области.

Эта общепринятая историография не случайна. Она вписывается в общий контекст «конкистадорской» теории освоения восточноевропейской равнины: отряды ушкуйников или князя-герои ставят города, а затем приходят толпы крестьян и осваивают земли, занятые раньше темными туземцами (в данном случае – финноуграми). Эта же концепция принята историографией национальных автономий: они исторические хозяева, а русские – пришельцы-колонизаторы. По существу это экстраполяция освоения Сибири на более раннее время и ближнюю территорию.

3. Источники традиционной историографии

В этой части нашей работы ограничимся рассмотрением историографии Вятской земли. И взглянемся попристальнее в источники, на которых она базируется. Как удачно сказал современный историк Сергей Цветков, «иные научные теории имеют вид преуспевающего дельца с темным прошлым, в которое нелишне заглянуть, прежде чем вести с таким человеком какие-либо дела».

Источник №1 – это «Повесть о стране Вятской», о которой мы уже писали. Но в этой «повести» есть еще и первая часть⁵, которую современные публикаторы часто отбрасывают. В ней говорится о происхождении русского народа, который олицетворяют новгородцы, чуть ли не от сотворения мира. Для нынешних представлений она совершенно фантастична, но вполне вписывается в расхожую, правда, тогда уже провинциальную мифологию начала XVIII века, когда история как наука в России еще только зарождалась.

---

⁵ Повесть о стране Вятской// Труды ВУАК. Вятка. 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 1 - 97

Подобные сочинения есть, наверное, у всех стран и народов. Их цель – облагородить правителей, элиту или этносы, выводя их происхождение от более-менее достойных предков и как можно более древних: от Адама, Перуна или Александра Македонского. В данном случае мы имеем дело с региональным вариантом подобной «истории», которая ведет происхождение вольной Вятки от самовластного Новгорода. Ее автор, по данным Д. Уо⁶, – дьячок Богоявленского собора Семен Попов, занимавший впоследствии выборную должность бурмистра Хлынова – преследовал в некотором смысле и политические, оппозиционные цели. Судя по содержанию «Повести», можно предположить, что многие мифологемы попали в среду хлыновского клира вместе с монахами из новгородских обителей в тяжелые для новгородской братии времена Ивана Грозного. Видимо, в монастыре пересказывались легенды о том, от кого произошли новгородцы, а с другой стороны – звучали рассказы о дерзких самовластцах, почерпнутых, возможно, из летописей, но попавшие к автору только в устной форме через третьи руки. Только этим можно объяснить анахронизмы, связанные с самыми известными князьями. Ведь Александр Невский, которого призывают на помощь новгородцы в 1174 году, родился только около 1220, а в те времена еще и его папы на свете не было. А само действие происходит якобы во времена Ярослава Владимировича. Известных князей с таким именем было двое: Мудрый и Осмомысл, но оба жили задолго до Александра (первому он был прапрапраправнук, а второму - внучатный племянник), так что синхронизировать различные куски «Повести» никак не удастся. Само же предисловие, как заметил Уо, является сокращением известного текста «Начало великому Словенску».

Зато хорошо было известно автору Никульчинское городище. Даже в XIX веке, до начала систематических раскопок, остатки укреплений древнего города были хорошо видны. Итак, древний разрушенный город есть, есть существующий город Хлынов, на вятской земле жили инородцы (это всем

---

⁶ Уо Д. История одной книги. СПб. 2003

известно), в древние времена тут сновали новгородцы (говорят, так в летописях написано), а дальше – вперед, перо!

Не чужды автору «Повести» и топонимические изыскания, что говорит о его недюжинной фантазии. Например, город Никулицын назван «ради речки Никуличанки», а город Хлынов – «ради речки Хлыновицы» (хотя, конечно же, наоборот – исходя из семантики основ и морфологического строения этих топонимов). А откуда Хлыновица? Когда подплывали новгородцы к ее устью, над речкой летали птицы и кричали: «Хлы! Хлы! Хлы!»...

Конечно, «Повесть о стране Вятской» - ценнейший литературный памятник, произведение талантливого пиарщика эпохи русского Возрождения, по которому можно изучать провинциальную культуру петровского времени. Что же касается реалий XII или XIV века, то надо признать, что ее автор имел весьма туманное представление о том времени и происходивших тогда событиях. Если он и основывался на каких-то преданиях, то они могли относиться либо к другому времени, либо к другому месту, либо быть плодом фантазии. Использовать в качестве источника исторических сведений «Повесть о стране Вятской» недопустимо, т.к. это не только искажает реальность, но, в отсутствие других фактов, создает псевдореальность, миф, который препятствует установлению исторической истины.

Источник №2 – русские летописи, тексты договоров и другие письменные документы эпохи. В достоверности синхронных летописей, за некоторым исключением, не приходится сомневаться. К сожалению, о Вятской земле до 1374 г. нет ни одной записи. Записи по концу XIV века предельно лаконичны типа «ушкунцы пограбиша Вятку».

Источник №3 – археологические раскопки. Беда археологии в том, что при отсутствии письменных источников она ничего или почти ничего не может сама по себе сказать об этнической принадлежности представителей археологических культур, а главное – об их языке. Ей нужны дополнительные

данные. При неточности таких данных и выводы археологии будут столь же неточны.

Что касается археологических культур северо-восточной Европы, то здесь их этническая интерпретация считается несложной: если культура местная, то, значит, она соотносима с финноугорскими этносами.

Это принимается априори, потому что «здесь всегда были финноугры».

Итак, в археологическом изучении края необходимо снять налет мифологии, заново переосмыслить этническую принадлежность археологических культур, опираясь только на достоверные источники. Но для начала – снять все бездоказательные отождествления археологических культур с этносами.

Надо признать, что в археологическом отношении территория Кировской области изучена очень слабо. Даже у самых известных объектов либо раскопаны только верхние слои, либо малая часть площади. В последнее время раскопки велись различными экспедициями и должным образом не систематизированы археологами и тем более не осмыслены историками.

И в конечном итоге, что мы имеем по истории XIV века и более древней, по этнической истории края, после того, как отбросили недостоверные источники и мифы? Практически ничего. Чистый лист. Вот на этом чистом листе и предстоит написать историю Вятки и всего северо-востока Европейской части России. А возможности для этого есть, в чем мы убедимся в дальнейшем.

4. Направления исследований. Письменные источники.

Необходимо заново проанализировать письменные источники, касающиеся не только Вятки, но и соседних регионов. Конечно, источники весьма скудные, но взгляд, свободный от мифов, может и из них кое-что почерпнуть.

Русские летописи и другие документы изучены вдоль и поперек и содержат вроде бы ничтожно мало информации о рассматриваемых территориях. Тем более ценно каждое слово. Надо принять во внимание, что отсутствие информации о каком-либо предмете – это тоже информация.

Например, первое упоминание о реке Кама в русских летописях датируется, видимо, 1324 годом, о Вятке (местности) – безусловно, только 1374 годом, хотя уже в самых древних летописях есть сведения о более удаленных северных землях и народах вплоть до Зауралья (Югра и Самоядь). А ведь Кама – крупнейшая река в Европе, река Вятка – тоже не ручей, а реки в то время были главными транспортными путями. Может быть, не было связей? Но связи были с древних времен.

Например, в слоях VII века на территории Финляндии был обнаружен ряд украшений, таких, как шейные гривны и фибулы, происходящие из Волго-Камского междуречья.⁷ На этом основании финский исследователь А. Эря-Эско делает вывод, что «путешествия камских поставщиков пушнины и торговцев достигали и Финляндии».

На Балтике отмечено «распространение браслетов и гривен пермского типа с VIII века». Клад IX в. на о. Рюген (Балтийское море) «содержал... обломок пермского браслета т.н. «глазовского типа».⁸ Заметим, что Глазов, давший название типу браслета по характерным находкам в его окрестностях, расположен в бассейне Вятки.

Можно не говорить о более близком славянском Северо-Западе (территории будущей новгородской земли), где очень много подобных находок.

Несомненно, что между территориями бассейна Балтийского моря и бассейном Камы (и Вятки) существовали древнейшие связи. Но с начала

---

⁷ Эря-Эско А. Племена Финляндии // Славяне и скандинавы. Пер. с немецкого. М. 1986. С. 170

⁸ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. Перевод с нем. М. 1986. С. 80

летописания до 1324 г. и до 1374 г. соответственно Камы и Вятки для летописцев (в том числе из Новгорода) как будто не существует. Это отсутствие – тоже своего рода факт, который многое может дать для осмысления процессов, происходивших на Севере.

Другой пример. В одной из летописей говорится: «Сказа ми Гюрята Роговичь Новгородец: послах отрок свой в Печору, люде, яже суть дань дающие Новугороду; и пришедшу отроку моему к ним, оттуда иде во Югру; Югра же людье есть язык нем и соседят с Самоядью на полуночных странах».⁹

Печора, Югра и Самоядь здесь этнонимы. У первых двух народов в тексте имеются краткие характеристики, чем они примечательны для летописца:

Печора – люди, дань дающие Новгороду;

Югра – люди, язык которых нем (непонятен).

Но ведь логически вытекают из этого противопоставления и противоположные характеристики:

Печора – язык их понятный;

Югра – дань не дают.

Не означает ли это, что язык печоры не финноугорский, как принято считать априори, а близкий летописцу – славянский или балтийский (про балтов – голядь или литву – никогда не писалось «язык нем», в то время различия балтийских и славянских языков были меньше, да и постоянные контакты позволяли, видимо, понимать друг друга)?

Почти очевидно (да и нет других мнений), что летописная печора обитала на берегах реки Печоры. Беглый взгляд на гидронимию (названия рек) Печорского бассейна показывает, что в среднем и нижнем течении Печоры имеется большой пласт гидронимов предположительно индоевропейского происхождения, включая и название основной реки. Любопытно, что как в бассейне Печоры, так

---

⁹ Лаврентьевская летопись, л. 85а// ПСРЛ. Т. I. М. 1997, сс. 234-235.

и в бассейне Вятки многочисленны гидронимы с формантом *-ма*, вплоть до совпадения названий (р. Пижма, лев. пр. Печоры, и р. Пижма, пр. пр. Вятки). Об этимологии гидронимов на *-ма* см. ниже. Да и вообще названия всех крупных рек северо-востока Европы и прилегающих районов Сибири, возможно, индоевропейские: Северная Двина, Мезень, Печора, Обь. Причем, многие финноугорские народы усвоили именно эти названия (например, Двина у карелов *Viena* – с отброшенным «д», Мезень у коми *Мозын*, Печора – *Петшера*, Обь – *Об*, тогда как у ненцев – *Сале*), из финноугорских языков они не объясняются. Это позволяет предположить, что и на Крайнем Севере жили какие-то, возможно индоевропейские племена, язык которых был понятен новгородским путешественникам, и летописная печора – одно из них.

Таким образом, лапидарная информация летописи, подтвержденная другими источниками, может стать говорящей.

Столь же важны в качестве материала для логических интерпретаций и ранние сведения по географии, такие как «Список русских городов дальних и ближних» (XIV в.) и «Книга Большому чертежу» (описание XVII в. карты XVI в.), но об этом будет сказано ниже.

Арабские, персидские и хазарские источники, как ни странно покажется на первый взгляд, могут дать больше информации о северо-востоке Европы X – XIV вв., чем русские.

Молчание русских летописей этого времени о камских и вятских землях можно объяснить этническим (пассионарным) усилением черемисов, которые фактически разорвали связи Северо-Востока с центрами русской государственности, где велось летописание. Марийцы (черемисы), по данным гидронимики, достаточно давно жили в Вятско-Ветлужском междуречье (хотя этногенез этого этноса очень туманен). В X или XI веке сведения о черемисах попали в русские хроники, что может говорить об их активизации. Сухопутный путь из района Нижнего Новгорода на Вятку был рискован даже в XVII веке из-за «воровства» черемисов в Вятско-Ветлужском междуречье.

Северо-западный путь через бассейн Северной Двины (р. Юг – р. Молома, правый приток Вятки) был перекрыт либо черемисами, либо другим, неизвестным финноугорским народом, оставившим после себя ареал гидронимов с формантом –юг. Возможно, это была летописная *чудь заволочская*.

Появление Вятки в русских летописях можно объяснить разблокированием этого пути через Юго-Моломский переход, которое произошло, скорее всего, не благодаря новгородским ушкуйникам; они просто первыми воспользовались этим - или же, что еще вероятнее, первыми попали в летописи. Главным фактором стало укрепление Великого Устюга и закладка целого ряда городков выше по реке Юг (Орлов, Осиновец, Сосновец и др.).

Но если население Вятки и Камы и не имело связей с Новгородом и Владимиро-Суздальской Русью, то это не значит, что оно не имело связей с цивилизованным миром вообще.

Основными транспортными путями в лесной зоне являлись реки. Стоит посмотреть на карту Восточно-Европейской равнины, как сразу бросается в глаза крупнейший речной «транспортный узел» - место слияния Камы и Волги. С запада к нему течет Волга, с севера – Вятка, с северо-востока – Кама, вбирающая в себя уральские реки, а на юг течет полноводный Итиль (Нижняя Волга). В устье Итиля было мощное государство – торговый и финансовый центр срединной Евразии – иудейская Хазария, от которой по Каспийскому морю прямой путь вел в древнюю Персию. В месте слияния Камы с Волгой самой природой предназначалось возникнуть торговому центру – и он возник. Это была Камская (или Волжская) Булгария.

С кем же было торговать населению Вятки? Через два волока с Новгородом или напрямую с Булгарией, имея выход через Булгарию на богатые арабские рынки? Ответ однозначен.

Новгородские купцы на Вятку и Каму не совались, хотя по Крайнему Северу доходили и до Сибири. По тогдашним понятиям, видимо, это была не их зона влияния, ее обходили стороной.

Мысль о тесных связях Вятки с Булгарией не нова. Она поставлена в основу топонимических изысканий известного вятского краеведа Д.М. Захарова, который, по моему мнению, все же преувеличивает влияние на Вятке Булгарии и болгарского языка.¹⁰ Но вот письменные источники, связанные с Булгарией, в плане отражения в них сведений о Вятке, Верхней и Средней Каме, кажется, не исследованы.

Булгария была хорошо известна в Персии, Хорезме и арабском мире, ее основными экспортными товарами были рабы и меха. Но сама Булгария эти товары, конечно, не «производила». Меха с запада в Булгарию в больших количествах поступать не могли: суздальцы и новгородцы сами рыскали за ними по северам чуть не до Енисея. Меха должны были поступать с севера или с северо-востока, т.е. по Вятке и Каме. Еще в I тысячелетии до н.э. место слияния Камы и Волги, Вятка, Кама и более северная Вычегда входили в один ареал культуры – ананьинской. То есть связи там были долгие и прочные – уходящие в глубь веков. Это подтверждает археология не только по ананьинскому, но и по более позднему времени.

В Булгарии не могли не знать о реке Вятке, которая впадает в Каму в полутора сотнях верст от ее столицы, города Булгар, и о Вятском крае, прилегавшем с севера к Булгарии. Непосредственно вблизи устья Вятки находились болгарские города (например, т.н. Чертово городище¹¹). К сожалению, не было значительных письменных источников самой Булгарии, или они не сохранились. Но с начала X века Булгарию посещали арабские географы и путешественники, которые оставили интереснейшие географические и этнографические заметки, касающиеся, в том числе, славян и русов. Наверное, что-то, относящееся к Северо-Востоку, можно найти и в хазарских источниках,

---

¹⁰ Захаров Д.М. Краткий топонимический словарь Кировской области. Киров. 1988. Захаров Д.М. Серебряная Вятка. Киров. 1990.

¹¹ Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии// Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М. 1893

поскольку одно время Булгария была в вассальной зависимости от Хазарского каганата.

Все дело в интерпретации. Конечно, если заранее считать, что Вятку, Верхнее и Среднее Прикамье, например, заселяли дикие финноугорские племена, то всё, противоречащее этому «очевидному» утверждению, будет признано недостоверным либо относящимся к другому региону.

Например, арабские авторы X века сообщают о торговле Булгара с городом, название которого прочитывается как в...нтит и в...т, где точками заменены пропущенные гласные (В.нтит, город славян, лежащий на востоке¹²). Подробно пишет о стране Ва...т (Ва...ит) Ибн Русте в сочинении «ал-А'лах ан-нафиса», сообщая, что она находится «в самом начале пределов славянских» (от Булгара?)¹³. Персидский географ Гардизи сообщает о городе Вантит несколько по-другому: он находится «на крайних пределах славянских» (тут и там перевод А.П. Новосельцева).¹⁴ Эти свидетельства, также, как и сведения о русах и Арсе, восходят, видимо, к дорожнику Ибн Хордадбега (IX в.).

Хазарский царь Иосиф (X в.) в своей знаменитой переписке с евреями перечисляет народы, живущие по реке Итиль. В их числе – «в-н-н-тит».¹⁵

Принято считать эти названия относящимися к земле вятичей (см., например, Петрухин В.Я. и Раевский Д.С.¹⁶). При этом Петрухин и Раевский не обратили внимания, что Итилем хазары и болгары называли Каму и Нижнюю Волгу или Белую, Нижнюю Каму и Нижнюю Волгу, а Верхнюю Волгу считали ее притоком. Царь Иосиф прямо пишет: «Я живу у реки по имени Итиль...

¹² См., например, *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М. 1963, с. 147 и др. лит.

¹³ *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и руси VI – XI вв.// Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 387.

¹⁴ Там же, с. 390.

¹⁵ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л. 1932, сс. 91 – 102.

¹⁶ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М. 2004, с. 169

Начало реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути». Ясно, что это не Волга, а именно Белая, приток Камы, которую Иосиф считал истоком Итиля. А вятичей вряд ли можно назвать живущими по Белой и Каме. Вятчане, напротив, живут как раз рядом с древним Итилем, то есть Камой.

Вятичи, группа восточнославянских племен, обитавших в верховьях Оки и по ее притокам.

Тут нужно сделать лингвистическое отступление. Русское **я** в сильной позиции после согласного появилось на месте общеславянского *е носового* (*ę*). В различных диалектах балтийских и многих других европейских языках ему закономерно соответствует *en*, например:

мясо – *mensa* (прусс.)

вязать – *vęzeł* (польск. – «вензель»)

пять – *πεντε* (греч.)

бляду (др.-рус. – «заблуждаюсь») – *blendžiuos* (лит. – «темнею»).

Следовательно, корню *вят-* предшествовал корень *vēt-* и соответствует балтийский корень *vent-* (сравните: *вятичи* – *венеты*). Также и топониму *Вятка* соответствуют многочисленные балтийские топонимы с основой *vent-*, например, *Вентспилс* на реке *Венте*.

Следовательно, *в...нтит* и *ва...т* – это две формы одного имени: балтийская (либо другая европейская) и восточнославянская.

Топоним *в...нтит* - *ва...т*, конечно, в принципе, может относиться к земле вятичей, но с большим основанием по географическим ориентирам он может относиться и к *Вятке*, особенно если учесть, что на *Вятской* земле могли обитать (об этой гипотезе речь будет впереди) и балтоязычные племена, которые передали бы название города или страны в форме *в...нтит*.

Во всяком случае, арабские, персидские и хазарские источники надо вновь осмыслить, внимательно и непредвзято. Весьма вероятно, что откроется много тайн.

Вятских древних письменных документов, к сожалению, не обнаружено. Скорее всего, не велось на Вятке и летописание. Христианство как институт появилось на Вятке, видимо, только с началом XV века, но первые священники были, скорее всего, не особенно грамотными. Но вот дохристианские языческие памятники они, скорее всего, уничтожили. Любопытно свидетельство Ибн Фадлана от 922 года о переписке камских булгар с жителями страны Вису, расположенной много севернее Булгарии (вису обычно отождествляется с весью, финноугорской народностью).¹⁷ Это говорит о том, что жители отдаленных регионов использовали какую-то письменность уже в X веке. Верить в чудесное обретение местных письменных источников, конечно, можно, но всерьез рассчитывать на это, увы, не приходится.

Также можно верить и в то, что автор «Повести о стране Вятской» использовал какие-то одному ему известные вятские летописи либо другие документы. Но это вопрос веры, а не научных знаний.

5. Данные топонимики.

Топонимика – наука о географических названиях. Топонимы сохраняются много веков и даже тысячелетий, особенно в условиях оседлости и этнической стабильности. Топонимы – те элементы древних языков, которые доходят до нас вне зависимости от письменных источников. Конечно, они могут искажаться, но эти искажения закономерны, и характер искажений сам по себе может дать

---

¹⁷ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков. 1956, с. 138 и сл.

определенную информацию о происходивших этнических процессах. Я рассматриваю топонимику как инструмент историографии раньше археологии не по степени важности (все важно), а по первичности для этнической истории: только данные о языке позволяют идентифицировать археологические культуры с этносами (язык не единственный, но очень существенный элемент этноса). Кроме того, данные топонимики могут подсказать географию возможного археологического поиска, указать если не место, то хотя бы район для раскопок: «Ищите и обрящете!».

Для Вятской земли объектами топонимических исследований являются в основном названия рек (гидронимы) и населенных пунктов (ойконимы). В значительно меньшей степени – названия участков местности, болот, урочищ, озер. Сюда же примыкают (хотя и не являющиеся топонимами, но важные для нас) названия этнических групп – этнонимы. Кроме того, нас будут интересовать имена и фамилии (антропонимы); одни – как производные от этнических или родовых имен, другие (или те же) – как ставшие основой топонимов (Филипп – село Филиппово – речка Филипповка).

Определение возраста топонимов – важная, но очень трудная задача. Каждый раз приходится решать ее индивидуально, применительно к конкретному топониму. Например, топоним может сохранять архаическое звучание слов, хронометрированное историческим языкознанием. При этом надо учесть, что в окружении языка-родителя топоним изменяется зачастую вместе с ним и перестает изменяться по законам этого языка при смене языкового окружения либо когда отрывается от апеллятива (нарицательного имени, легшего в основу топонима), приобретая самостоятельное значение.

Принято считать, что наиболее древними являются названия крупных рек. Названия средних рек – моложе, хотя тоже могут быть достаточно древними (тысячи лет). Названия малых речек, как правило, довольно молодые, особенно в малонаселенной местности. На карты зачастую наносились названия, данные первыми картографами, истощавшими в процессе работы свое воображение. Так появились речки Березовка Полуденная, Березовка Средняя, Березовка Ночная (в

смысле – северная), 1-ая Песчаная, 2-ая Песчаная и т.д. Для малых речек характерны названия, вторичные от названий населенных пунктов или имен промышленников, имевших на них охотничьи или рыбные угодья. Названия населенных пунктов могут быть очень молодыми, но есть и весьма древние – возрастом до тысячи лет. Есть предположения, что возраст названий некоторых населенных пунктов может быть и намного больше, но для выдвижения таких гипотез нужны очень весомые обоснования.

Топонимические исследования можно разделить на два направления: отнесение топонимов к языкам-прародителям и анализ «говорящих» топонимов, семантика (значение) которых может дать определенные сведения для исторических интерпретаций.

6. Языковая принадлежность топонимов

Определение языковой принадлежности топонимов поможет идентифицировать этническую принадлежность исторических культур и на этой основе воссоздать этническую историю Вятского края. А она неотделима от этнической истории всей Восточной Европы. Именно территориальная ограниченность предыдущих исследований (хорошо обследованы Поднепровье, Волго-Окское междуречье, северо-запад России, но имеются значительные белые пятна) могла приводить историков к ложным выводам. Возникает «эффект наблюдателя», когда близкие объекты кажутся более значительными; обнаруженные древние корни какого-либо этноса кажутся основными, поскольку другие территории не изучены. Подобное обследование Вятского края должно быть привязано не только к соседним регионам, но и к уже обследованным территориям, о которых сказано выше.

В идеале необходимо составить топонимический словарь, причем для целей этого раздела необязательна полная этимологизация топонимов, поскольку семантика апеллятивов для этих целей второстепенна. Необходимо лишь по апеллятивам и топоформантам (например, суффиксам) определять языковую

принадлежность топонима и, желательно, его возраст. На основе словаря нужно составить карты распространения топонимов определенной языковой принадлежности; отдельно – средних рек, малых рек и ойконимов. Затем нужно наложить эти карты на карты распространения исторических культур в трехмерном пространстве (x,y,t). Конечно, графически эти карты будут двухмерными, а третье измерение (проще всего – время) нужно будет держать в уме.

Как минимум, можно составить карты распространения топоформантов, принадлежность которых к конкретным языкам или их группам не вызывает сомнений, как это сделано в классической работе В.И. Топорова и О.Н. Трубачева¹⁸ и в книге Н.Д. Русинова¹⁹. В этой связи очень важно языковое соотнесение распространенных гидроформантов *-ма, -да, -юг, -ик* и *-им (-ым)*, о которых еще будет сказано ниже.

В Кировской области такая работа на серьезном уровне не проводилась, исследователи наталкивались на непреодолимые трудности в этимологизации топонимов, которые объясняются применением только финноугорской версии происхождения гидронимов, тогда как средства других языков не привлекались. В некоторых других работах (Э.Д. Головина, Е.Н. Мошкина), посвященных русским и тюркским топонимам, ставились более локальные задачи. Исключение - статья Л.Н. Макаровой²⁰, о которой будет сказано в дальнейшем.

7. Индоевропейская языковая семья

Русский язык.

---

¹⁸ Топоров В.И., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962.

¹⁹ Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994.

²⁰ Макарова Л.Н. Древние наименования города Кирова (Вятка - Хлынов) // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Свердловск, 1984. 132 - 141

Наиболее интересно для наших целей нахождение древнерусского субстрата или даже праславянского (если таковые есть). При этом необходимо тщательно проверять возможность происхождения топонимов из близких языков, а также их переосмысления из иных языков.

Например, название села *Истобенск* (совр. Оричевский р-н Кировской обл.) может происходить как из древнерусского *истъба*, так и из лтш. *istaba* «комната». Но русский суффикс *-енск* свидетельствует, скорее, в пользу русской версии. В подтверждение этого говорит также то, что само лтш. *istaba* считается поздним заимствованным из славянских языков, и, наконец, расположение двух сел под названием *Истобное* на древнем пути из Киева в Булгар (по Б.А. Рыбакову), где балтийский элемент не характерен.²¹

Другой пример: р. *Нерсма* (пр. пр. Суны, пр. пр. Вои, лев. пр. Вятки) или из русского *нереститься*, или из лтш. *nērst* «нереститься». С лингвистической точки зрения, учитывая наличие малопродуктивного в славянской топонимии суффикса *-ма*, я бы отдал предпочтение балтийской либо другой неславянской версии.

Балтийские языки.

Удивительно, но на наличие топонимов балтийского происхождения почти никто не обращал внимания, хотя они, как представляется уже на первый взгляд, довольно многочисленны и повсеместны. М. Фасмер ограничивал с востока территорию распространения балтийских гидронимов Московской областью. В последнее время стало общепризнанным доводить балтизмы до Нижегородского Поволжья.

Попытки продвинуть границу балтизмов дальше очень робки. Р.А. Агеева, этимологизируя оз. Липшо (Торопецкий уезд) из лит. *lipti* «липнуть, прилипнуть»,

---

²¹ Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М. 2004, с. 110.

привела пример литовского оз. *Lipšys* и р. Липша в Казанской губ. (ныне республика Марий Эл – С.У.) и снабдила его примечанием «несколько неожиданное соответствие».²² Но еще в конце XIX в. известный этнограф И.Н. Смирнов заметил, что до марийцев и до удмуртов на территориях их расселения жили какие-то «неизвестные племена».²³ Он приводит целый список домарийских названий рек: Ветлуга, Кокшага и др. – и приходит к заключению, что они «не поддаются... объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми».

Но для гидронима *Ветлуга* есть балтийская версия от лит., лтш. *vieta* ‘место’ и *lauk-* ‘поле’.²⁴ Я бы предположил, скорее, сближение с лит. *vūti*, лтш. *vīt* ‘вить’ или даже рус. *вить* с учетом чередования гласных *i/e* (ср. рус. *вить/ветвь*). *-l-* может иметь суффиксное происхождение, как, например, в лит. *vūtulas* “связка”, лтш. *vītols* ‘ива’ и рус. *ветла. -уга* может быть уже чисто гидронимическим балтийским суффиксом (В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев называют его «балтийским формантом», приводя примеры как в верхнеднепровской, так и в современной балтийской гидронимии²⁵) или с тем же успехом русским суффиксом.

---

²² Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М. Наука, 1989, с. 192.

²³ Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-географический очерк. Казань. 1890; Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-географический очерк. Казань. 1899.

²⁴ Гордеев Ф.И. О происхождении гидронима *Волга* // Ономастика Поволжья. Ульяновск. 1969, с. 123; Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994, с. 80.

²⁵ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, с. 220.

На территории Марий Эл предположительно балтийский субстрат повсеместен (кроме р. *Ветлуга* также рр. *Липша*, *Перша*²⁶, *Ноля*²⁷, две *Нольки*, *Илеть*²⁸ и др.).

На территории Кировской области в бассейне Вятки гидронимы предположительно балтийского происхождения также встречаются, причем, есть гидронимы с типовыми маркерными основами типа *ilga* ‘длинный’, характерными именно для этой языковой группы²⁹. В ряде случаев можно проследить и диалектные особенности вятских и «марийских» балтизмов, хотя для полной картины необходимы дополнительные исследования лингвистов, специализирующихся на балтийских языках.

К предположительно балтийскому можно отнести название реки *Медяна* (пр. пр. Вятки) – ср. прус. *median* от балт. **med* ‘лес’; другая гипотеза – от праиндоевропейского **medhjo* – ‘средний’, от которого происходят рус. *межа*, *между*, лат. *median* и т.д. Уточнить происхождение трудно, т.к. само балтийское **med* восходит, возможно, к праиндоевропейскому **medhjo* с переходным значением «разделительная лесополоса». (Сюда же, видимо, следует отнести р. *Медяну* в бас. Суры, р. *Медынь* в бас. Оки, р. *Мезень* и мн. др.). Также со знаком вопроса можно рассмотреть принадлежность к балтийскому субстрату р. *Велева*

²⁶ Ср. др.-прус. *Persink*, *Perses*, лтш. *Pērserupe*, *Persante* к западу от Вислы, *Першанка* и *Першайка* на старой балтийской территории, *Пересна*, *Пересонка*, *Перстна*, *Першница* в Верх. Поднепровье [Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, с. 283].

²⁷ При лтш. *noleja* ‘долина’.

²⁸ При лтш. *īl-* ‘очень темный’ и балтийском словообразовательном форманте *-ēt* [Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М. 1989, с. 198]; впрочем, *ил-* довольно распространенная основа в гидронимии Русского Севера предположительно финноугорского происхождения, так что гидроним *Илеть* должен быть рассмотрен и с этой точки зрения.

²⁹ р. Илгань (пр. пр. Снигиревки, лев. пр. Быстрицы, лев. пр. Вятки) – при лит. *ilga* ‘длинная, долгая’ и гидронимах в Литве: оз. Ильги, р. Ильга, р. Ильганка.

(при др.-прус. *Velowe*³⁰), р. *Волма* (при др.-прус. *Wolmen*, рр. *Волма* в бассейнах Немана и верховий Днепра³¹), р. *Илеть* (приток Быстрицы)³², р. *Пержса*³³, р. *Лобань* (при лит. *Labinis*, оз., прус. *Labune*, р. *Лобна* в Верхнем Поднепровье³⁴), рр. *Ноля* (еще две реки с таким названием: пр. пр. Вой и лев. пр. Уржумки), рр. *Пиля* и *Пилья* (как возможная оппозиция р. *Ноля* < *no-leja* ~ *Пиля* < *Пилья* < *rīe-leja*), рр. *Перша* и *Пержса*³⁵ и др.

Как пример балтизма с диалектными особенностями В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев приводят название реки Залазна в Верхнем Поднепровье. Эту и другие реки с аналогичными названиями (Залазинка, Жалижа, Жалож) они возводят к апеллятиву, означающему ‘железо’.³⁶ Причем замену *ž* на *z* они отмечают в

---

³⁰ Правда, корень *вел/вил* распространен, наряду с балтийской, также на старой славянской территории к югу от Припяти в Верхнем Поднепровье [Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, с. 250].

³¹ По Топорову и Трубачеву, днепровская *Волма* относится к балтийским названиям без признаков славянского влияния и находит полное соответствие в гидронимии балтийских территорий [Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, сс. 241, 253, 333]. С другой стороны, В.Л. Васильев предлагает этимологию от праславянского *vьlm ‘вяз’, ‘ива’, ‘густой кустарник’ [Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. 2012. – С. 363 – 364].

³² См. прим. 28.

³³ См. прим. 26.

³⁴ Ср. балт. *labas* ‘хороший’ – основа, широко распространенная в балтийской топонимии, также балт. *loba* ‘долина, русло реки’, но возможна и славянская версия [Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, с. 269 и сл.].

³⁵ При др.-прус. *Persink*, *Perses*, лтш. *Pērserupe*, *Persante*, рр. *Першанка* и *Першайка* на старой балтийской территории, р. *Першница* в Верхнем Поднепровье

³⁶ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, сс. 263, 264, 332, 339.

регионе, где обитала летописная голядь, то есть считают это признаком голядского диалекта.

Голядь, балтийское племя, упоминаемое в русских летописях 11—12 вв.; жило в бассейне реки Протвы, притока реки Оки, между вятичами и кривичами. В 12 в. большинство Г. было ассимилировано славянами. (БСЭ)

Заметим, что река Залазна есть и в бассейне Вятки (пр. пр. Белой, пр. пр. Вятки). Самое интересное, что в районе вятской Залазны находится крупное месторождение железных руд, которое эксплуатировалось много веков. Но я бы не стал столь однозначно относить название этой реки к балтизмам. Дело в том, что слово, обозначающее железо, - балто-славянское с предполагаемой основой **ghel(ē)g'h*³⁷, причем в славянских языках оба заднеязычных звука палатализовались в свистящие или шипящие, а в большинстве балтийских диалектов – только второй (*g'h*): лит. *geležis*, жем. *gelžis*, прус. *gelso*, но лтш. *dzelzs*. Очевидно, что звучание *Залазна* ближе к современному украинскому *залізна* ‘железная’, чем даже к латышскому *dzelza*: оно именно славянского типа. Впрочем, название реки могло изменяться по законам русского языка уже после смены или русификации населения. Но, во всяком случае, я не вижу доказательств изначально балтийского характера этого гидронима.

В границах современных Сунского и Нолинского р-нов есть компактная территория, где расположено несколько гипотетически балтийских гидронимов, о которых мы говорили выше. В этой же местности есть две деревни с удивительным названием *Ерпули*. Название, скорее всего, отыменное, оформленное множественным числом (распространенный тип ойконима в этом регионе, например, *Кузнецы*, *Судаки* и т.п.). Уникальность названия *Ерпули* в том, что имя, давшее название нескольким деревням, **Ерпуль* является почти дословной балтийской калькой славянского имени *Ярополк*. Рус. звуку *a* в этой позиции закономерно соответствует балт. *ē* (ср. рус. *ярка* ‘молодая овца’ и лтш.

---

³⁷ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern. 1959. – С. 435.

jēre, jērs ‘то же’); второй компонент этого имени не русское заимствование лтш. *pulks*, лит. *pulkas* ‘полк; толпа’, а, по всей видимости, исконное балтийское слово, сохранившееся в латышском, *pūlis (pūlis)* ‘толпа’. Это слово широко представлено в латышском фольклоре в композите *karapūļi* ‘полчища (врагов)’, где *kara* – ‘военный, армейский’.

Всё это можно было бы считать забавным совпадением, если бы неподалеку не обнаружился топоним *Каранулька*.³⁸ Это название реки (фактически – ручья), можно предположить, судя по косвенным данным, произошло от названия населенного пункта **Каранули*, которое восходит, в свою очередь, к имени **Карануль*, очень напоминающим имя **Ернуль*, рассмотренное в предыдущем абзаце.

Конечно, гипотетические **Ернуль* и **Карануль* могли быть и поздними переселенцами, но исследование в этом направлении не менее интересно для истории. Подводя итог сказанному в этой главке, отмечу, что поиск балтийских следов в вятской топонимике может оказаться не безнадежным.

Балто-славянский праязык

Многие историки языка считают, что и балтийские, и славянские языки выделились из общего праязыка, либо предки балтов и славян составляли т.н. балто-славянский континуум, внутри которого не было четкой границы между диалектами славян и балтов. Хотя концепции общего праязыка и балто-славянского континуума и не являются общепризнанными, с большой степенью достоверности можно считать, что предки балтов и славян в первой половине I

---

³⁸ В [Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. - (№№ 1377 и 1378)], в 4 верстах от с. Вожгалы обозначены два починка *Над речкой Каранулькой* и *Подле речки Каранульки*.

тыс. до н.э. говорили на близких языках, с большими или меньшими диалектными отличиями.³⁹

Следовательно, топонимы, имеющие древнее происхождение, могут быть образованы нашими предками, которых трудно отнести однозначно к балтам или славянам, говорящими на общем или близких языках. Их можно назвать протобалто-славяне или, короче, балто-славяне.

К топонимам балто-славянского происхождения можно отнести топонимы, этимологизируемые как из русского, так и из балтийских языков. Такие топонимы нужно считать «кандидатами» на древнее происхождение. Но в каждом конкретном случае надо разбираться в хронологии словообразовательных приемов. Например, есть суффиксы, которые утратили свою продуктивность; для многих из них можно определить (конечно, приблизительно) время этой утраты. Таким образом можно установить временные границы образования топонимов с этими суффиксами и определить, образовался топоним во времена балто-славянского единства или континуума или после распада языковой общности.

Но даже если топоним этимологизируется при помощи языковых средств только одной группы (славянской или балтийской), это не является доказательством его «молодости». Возможно, что соответствующая основа и/или суффикс были присущи праязыку, но сохранились только в одной из этих языковых групп.

Я обозначаю здесь лишь направление для будущих исследований, безусловно, трудоемких, но именно они могут дать картину этнической истории как Вятской земли, так и всей лесной зоны Восточной Европы, для которой нельзя на 100% исключить раннее появление балто-славянских племен.

---

³⁹ О различных аспектах генезиса балтийских и славянских языков см., например, *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. Пер. с нем. М. 1964; *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М. 1988. – С. 264 – 292.

Претендентами на относительную «древность» можно считать гидронимы с суффиксом –н-. Как пишет Ю. Откупщиков, «этот суффикс, потерявший или почти потерявший свою продуктивность в большинстве индоевропейских языков исторической эпохи, был весьма широко распространен в древний индоевропейский период».⁴⁰ Еще больший возраст, видимо, у суффиксов –д- и -м-, также распространенных в вятской топонимии.

Конечно, надо понимать, что суффикс, «приклеившись» к корню в древнее время, мог попасть в топоним вместе с корнем уже в новое время, как, например, в гидрониме *Волма*: возможно, *вол-* - это основа, а *-ма* – суффикс, примененный в процессе номинации гидронима. Но нельзя в данном случае исключить и другой вариант: основа **vьlm* ‘вяз’, где *-m* – древний суффикс, примененный еще при создании апеллятива, а гидронимическим «суффиксом», т.е. примененным при создании названия реки, является окончание *-а*.

Также, поскольку эти суффиксы были присущи большинству индоевропейских языков, необходимо отделять от балто-славянских топонимов совсем уже древних образований общеиндоевропейской эпохи, если таковые есть (см. далее).

Индоиранские (арийские) языки

Индоиранские языки, особая ветвь индоевропейской семьи языков, включающая индийские (индоарийские), иранские и дардские языки. Возможно, что первоначальное ядро этой общности сложилось ещё в южнорусских степях (следы контактов с финноуграми, имевшие место, скорее всего, к северу от Каспия) и продолжало развиваться в период расселения в Средней Азии или на смежных территориях. Наличие индоиранской языковой и культурной общности подтверждается данными сравнительно-исторической грамматики и лексики этих языков, включающей целый ряд одинаковых элементов, обозначающих ключевые понятия индоиранской культуры, религии, социальных установлений, именослова, в том числе самоназвание **arya* — «арии», материальной культуры и т.д. Современные И. я.

---

⁴⁰ Откупщиков Ю.В. БОРОНА и БОРОЗДА// Очерки по этимологии. СПб. 2001. - С. 92.

распространены в Индии, Пакистане, Непале, на Цейлоне (индо-арийские), в Иране, Афганистане, Пакистане (западная часть), Ираке (северные районы), Турции (восточная часть), СССР (Таджикистан, Кавказ). (БСЭ)

Гипотетически индоиранский субстрат (*субстрат – топонимы, происходящие из языков, не сохранившихся на данной территории*) можно ожидать из следующих эпох:

- а) древнейшее время (неолит и ранняя бронза);
- б) скифское время;
- в) сарматское время;
- г) постсарматское время.

Рассмотрим по порядку.

А). Многие исследователи помещают прародину ариев в район Урала, как к востоку, так и к западу от него. Но если некоторые историки видят ее на Южном Урале (чему есть, кажется, определенные доводы), то «ведисты» (исследователи древних вед) относят ее чуть ли не за Полярный круг.

Разумеется, природные условия прародины носителей языков, распространившихся на многие тысячи километров, должны были способствовать расширенному воспроизводству популяции, и это не северные леса. Но какие-то группы носителей этих языков могли в определенные периоды вытесняться из благоприятных для жизни лесостепных зон в более северные районы. Во всяком случае, культурное влияние степных и лесостепных общностей на обитателей лесов прослеживается однозначно. Но сопровождались ли культурные импульсы распространением языков, неясно.

Конечно, по топонимам столь древнего происхождения вряд ли можно различить конкретную языковую принадлежность топонима, можно лишь попытаться соотнести их с какими-то языковыми группами или ветвями языковых семей, в нашем случае – попытаться выделить индо-иранские основы, конкретизируя их как индо-арийские либо древнеиранские лишь в несомненных случаях.

Б). В I тысячелетии до н.э. территорию северо-востока Европы, включая Вятку, заселяли племена ананьинской культурной общности. Принято считать эти племена финноугорскими.⁴¹ По моим предположениям, эта культурная общность была или не повсеместна, или полиэтнична. Тем не менее, хотя бы часть территории бассейна Вятки она занимала. В раскопках могильников и поселений этой культуры обнаружено множество предметов скифского происхождения. В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский предполагают, что это могут быть археологические следы «других скифов», которые, по Геродоту, отделились от своих сородичей и продвинулись далеко на северо-восток, за земли тиссагетов и иирков (предков мордвы и мери?).⁴² Но оставили ли они языковые следы? Помочь ответить на этот вопрос может, в том числе, и топонимика.

В). В III в. до н.э. хозяевами Степи вместо скифов стали ираноязычные же сарматы. Учитывая обширность сарматской «империи», можно ожидать культурного влияния их и на лесную зону Восточной Европы. Но вряд ли сарматы непосредственно селились в лесу, в том числе и на берегах Вятки, в период их расцвета (III в. до н.э. – III в. н.э.); в степях им было много привольнее. Сарматы контролировали главные торговые пути Евразии, а язык торговли зачастую подавляет местные языки. И все-таки не столько появление ираноязычных топонимов того времени можно считать маловероятным, сколько возможность их хронологизации, поскольку они могут «тонуть» в топонимах того же языкового происхождения более позднего времени.

Г). Сарматский племенной союз был сначала разбит готами в III в., а затем и на сарматов, и на готов обрушились гунны. Сарматы частично вошли в состав гуннского союза, частично – отступили на окраины ареала: на Северный Кавказ, в Крым, вверх по Волге и Дону. Разбившись на отдельные племенные группы,

---

⁴¹ См. например: *Халиков А.Х.* Этническая принадлежность племен ананьинской общности// Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола. 1970. - С. 287-296; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. 2-е изд. Ижевск. 2004.

⁴² *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М. 2004. - С.112.

они уже перестали представлять силу в Великой Степи. Но при этом весьма вероятно участие потомков сарматов в этногенезе камских булгар и других этносов Волги и Камы.

Какая-то часть потомков сарматов отступила еще севернее, возможно, небольшие группы достигали даже Вычегды. Это одно из объяснений появления сарматских артефактов в могильниках типа Веслянского I.⁴³ Поэтому нельзя исключать обнаружения восточноиранских по языку и постсарматских по происхождению топонимов на вятской земле.

Первым объявил об обнаружении топонимов иранского происхождения на Вятской земле Д.М. Захаров; правда, он объясняет их болгарским посредством, через проникновение сарматских корней в болгарский язык.⁴⁴ К сожалению, исследования Захарова не подвергались серьезной научной критике, и это еще предстоит.

Кроме того, как мы говорили выше, ираноязычные племена могли попадать на Вятку в различные исторические эпохи, поэтому задачей 2-го порядка является не только выявление иранских топонимов (если они вообще существуют), но и определение их возраста.

Праиндоевропейский язык

Нельзя полностью отбрасывать версию сохранения древних реликтовых названий праиндоевропейского времени, во всяком случае, того времени, когда разделение индоевропейских языков еще не было выражено так явно, как сейчас, т.е. III тысячелетия до н.э. Нельзя также заведомо отрицать существование на

---

⁴³ Савельева Э. А. Археология Коми АССР. Сыктывкар, 1984. - С. 43–47

⁴⁴ Захаров Д.М. Краткий топонимический словарь Кировской области. Киров. 1988;

Захаров Д.М. Серебряная Вятка. Киров. 1990

определенных отрезках времени ныне вымерших индоевропейских языков, собрать данные о которых мы можем только с помощью топонимики (как это случилось с палеобалканскими языками). Эти проблемы выходят за пределы моей работы.

Замечу лишь, что этимологизировать топонимы второго типа (из вымерших языков) можно только в том случае, если в этих топонимах есть элементы (основа и суффикс), совпадающие или коррелирующиеся с элементами известных родственных языков либо воссозданными элементами праязыка. Но в этом случае вдвойне сложно отличить топонимы первого типа (из праязыка) от второго.

По моему предположению, к топонимам первого типа, наиболее древним, относятся гидронимы с суффиксом *-ма*. Ко многим из них можно соотнести общеиндоевропейские корни древнего происхождения, например, *mol-* (Молома), *lek-* (Лекма), Также за пределами Кировской обл.: корни *oš-* (Ошма, пр. Пижмы), *sar-* (Сарма, пр. Мокши), *ser-* (Сердезь, Сердема, пр. Пьяны) и т.д.

Также претенденты на древнеиндоевропейское происхождение – две реки Кобры (если предположить первоначальный корень *kub-*) и две реки Немды (пр. пр. Пижмы и лев. пр. Вятки).

Но, вообще говоря, необходим системный анализ групп гидронимов с этими суффиксами (*-ма*, *-ра*, *-да*), не ограниченный, конечно, рамками локальных территорий.

8. Финноугорские языки

Поскольку считается, что территорию Кировской области и всего северо-востока Европы заселяли финноугры (плюс самодийцы на Крайнем Севере), то практически все гидронимы уже пытались выводить из финноугорских языков. Но серьезных топонимических исследований по территории Кировской области крайне мало, качество работ в соседних регионах тоже, на мой взгляд, оставляет желать лучшего. При этом даже авторитетным специалистам соседних республик

не всегда удастся, как мне кажется, избежать субъективизма в сторону этимологизации топонимов из языка «титульной» нации, исходя из живучих идей об автохтонности этих народов.

К тому же редкие научные работы тонут в океане публикаций доморощенных топонимистов (в том числе со степенями и званиями), сопоставляющих географические названия с лексемами из многочисленных словарей «по сходству звона» (выражение В.К. Третьяковского). Отсюда появляются и получают широкое распространение такие перлы, как *Уржум* – ‘увидел белку’ (мар.).

При этимологизации из финноугорских языков надо учесть, что эти языки далеко разошлись друг от друга, не менее, если не более, чем индоевропейские. Например, общность языков угорской группы с другими финскими языками видна только специалистам. Предполагается, что языки этой группы выделились из общего праязыка приблизительно 4 – 4,5 тысячи лет назад.⁴⁵ Но и прибалтийско-финские, поволжско-финские и пермские имеют не так много общих лексем, т.к. испытали сильное и различное влияние соседних языков. Поэтому этимологизация «из финноугорского языка» бессмысленна. Надо определять, из каких конкретно языковых групп (или из древнего праязыка) произошли те или иные топонимы.

А вообще говоря, разделять топонимы индоевропейского и финноугорского происхождения иногда можно даже при беглом рассмотрении. Слишком различны языки этих семей. Например, в финноугорских языках исконные слова никогда не начинаются (за исключением заимствований новейшего времени) на звонкие взрывные согласные, согласные *ж* и *з*. Крайне редки два согласных подряд в начальной позиции, тогда как согласные *к*, *п*, *т* в начале слова явно преобладают. С другой стороны, индоевропейские языки – флективные, т.е. словообразование происходит преимущественно при помощи флексий, например, многозначных суффиксов и окончаний, тогда как

---

⁴⁵ *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. - С. 125.

финноугорские языки (также как самодийские и тюркские) – агглютинативные, в которых слова образуются, образно говоря, «прилипанием» основ и однозначных аффиксов.

В топонимике это проявляется в том, что концы у индоевропейских топонимов, как правило, суффиксные: *Вятка*, *Быстрица*, *Летка*, *Двина*, *Чепца* и т.п. У финноугорских топонимов в конечной позиции находятся, как правило, апеллятивы, обозначающие тип географического объекта, их называют топоформантами: *Косью* от *ю* ‘река’ (коми), *Колянур* от *нур* ‘поле’ (мар.), *Порывай* от *вай* ‘проток’ (удм.).

Считается, что возможны случаи отбрасывания финноугорских топоформантов на русской почве, но это редкое исключение. Чаще они определенным закономерным образом преобразуются, исходя из языкового удобства новых «пользователей». Например, топоформанты *-нгер*, *-нер*, *-нерь*, *-гер* с предшествующей гласной, по мнению Н.Д. Русинова, выводятся из исходного марийского *эгер* ‘речка’.⁴⁶

При этом надо учесть, что индоевропейские и финноугорские концы, имея различную природу, могут формально совпадать: например, индоевропейские суффиксы *-ва* и *-ма* совпадают по звучанию с финноугорскими топоформантами, восходящими к апеллятивам *ва* – коми ‘вода, река’ и *маа* – фин. ‘земля, местность’. Правда, финноугорское *ва* ограничено в распространении ареалом пермских языков, потому что в языках других финноугорских групп не зафиксировано.⁴⁷ А следов пермских языков далеко за пределами проживания нынешних пермских народов не обнаружено (исключения – Крайний Север и Западная Сибирь, которые коми осваивали вместе с русскими).

---

⁴⁶ Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994. – С. 27.

⁴⁷ Коми *ва*, удм. *ву* восходит к прауральскому *wete*, но в пермских языках произошло падение сначала конечной гласной, а затем конечной согласной.

Напротив, апеллятив *маа* ‘земля’ имеет аналоги в других финноугорских языках, но по своей семантике он, мягко говоря, мало подходит для образования гидронимов.

Пермские языки

Пермские языки – группа финноугорских языков, включающая в себя язык коми (с двумя литературными стандартами – коми-зырянским и коми-пермяцким) и удмуртский язык.

Территория нынешнего расселения пермских народов непосредственно примыкает к Кировской области, причем центрами этногенеза удмуртов считаются притоки Вятки Чепца и Кильмезь. По этим причинам неудивительно присутствие в бассейне Вятки пермских гидронимов, имеющих характерные речные форманты –*ва*, –*ю*, –*шор* (–*сор*), –*вож*, –*чер* (–*сер*), –*эль*, –*йыв* (–*ив*) для коми языка и –*вай*, –*шур* (–*сур*) для удмуртского языка. А. Кривощекова-Гантман полагает, что формант –*я* может быть отражением не только мансийского *я* ‘река’, но и переработанного на русской почве пермского (коми) –*ю* ‘река’.⁴⁸

Заметим, что –*я* может быть и русским, и балтийским окончанием, например, р. *Белая* на русской территории, *Akija*, *Ašvija*, *Pomija* в Литве или *Ноля* и *Пилья* в Кировской обл. при лтш. *pieliet* ‘налить, заливать’; ср. лтш. *noleja* ‘долина’ (дословно ‘заливная’) от *poliet* ‘залить, заливать’. Суффикс –*ва* также широко представлен в русской и балтийской гидронимии (*Москва*, *Протва*, *Немолодва*, *Даугава*, *Вадува*, *Титува* и несть числа) на территориях, где пермских следов нет и в помине. Конечно, как мы говорили выше, всестороннюю и точную картину распространения гидронимов соответствующего происхождения может дать только полное обследование

⁴⁸ Кривощекова-Гантман А.С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье// Географические названия Прикамья/ Ученые записки Пермского гос. университета; №177. Пермь. 1968. – С. 16 – 51.

гидронимии бассейна Вятки с составлением карт. Но применительно к пермским гидронимам и без глубоких исследований видно, что удмуртские, коми-зырянские и коми-пермяцкие гидронимы находятся на территориях современного расселения этих народов или непосредственно примыкают к ним. Правда, сюда же надо включить территорию Афанасьевского р-на Кировской обл. (верховья Камы), где проживала этническая группа коми-зюздинцев, обрусевших в XX веке.

Что касается коми-пермяцких гидронимов, то их исследователь А. Кривощекова-Гантман заметила, что область их распространения шире территории Коми-Пермяцкого округа, распространяясь на юг от его границ (но не на запад, где находится бассейн Вятки!).⁴⁹

Удмуртские названия населенных пунктов глубоко проникают на территорию Кировской области вплоть до устья Чепцы (и устья Кильмези на юге) при том, что удмуртских названий рек в низовьях Чепцы нет. Это говорит об экспансии удмуртов уже в новое время. Обращает на себя внимание обилие в низовьях Чепцы гидронимов (вообще говоря, редких в населенных местах), происходящих от названий населенных пунктов (Филипповка, Каринка и т.п.) и прозрачных русских гидронимов (Святица, Талица и т.п.) – то есть и в тех и в других случаях – молодых. Значит, в этом районе была нарушена топонимическая преемственность, отсюда можно сделать вывод о резкой этнической смене в этом районе, возможно, катастрофической – уже в историческое время. Причем предыдущее население было не удмуртским, иначе древние названия сохранились бы.

Этимологии из пермских языков в отношении гидронимов, находящихся за пределами обозначенных выше территорий, сделанные топонимистами-любителями, неубедительны. Например, этимология р. Юрья (лев. пр. Великой,

---

⁴⁹ *Кривощекова-Гантман А.С.* Откуда эти названия?. Пермь. 1973. – с. 20. По моему мнению, - на юго-восток, вплоть до современного Кунгура.

пр. пр. Вятки) от коми *юр* ‘голова’⁵⁰ сомнительна по семантике и топонимическому окружению.

Р. Кобра из коми-перм. *корби* ‘глухой лес’⁵¹ столь же невероятно, т.к. непонятно, почему река названа лесом, тем более что дремучий лес в северных районах не является отличительным признаком. Р. Курчум объясняется из удм. ‘лубяной чум’⁵², но также непонятно, почему реку назвали чумом (этимологию названия Курчум надо рассматривать в контексте всего ареала гидронимов с окончанием на –ум: ср. р. Уржум).

Марийский язык

Марийские топонимы также образуются при помощи топонимических формантов, обозначающих тип географического объекта. Выше уже было упомянуто о гидроформантах марийского происхождения: *-нгер, -нер, -нерь, -гер* с предшествующим гласным. Дискуссионно марийское происхождение гидроформанта *-нга (-нка)*. По крайней мере, А.К. Матвеев не относит его к марийским, в отличие от марийских исследователей.⁵³ Этот вопрос требует дальнейшей проработки. Для марийских ойконимов характерны форманты *-нур* (поле) и *-ял* (деревня).

---

⁵⁰ Захаров Д.М. Краткий топонимический словарь Кировской области. Киров. 1988. С. 125.

⁵¹ Там же, с. 21. Автор приводит также карел. *корби* ‘местность, поросшая дремучим лесом’, что чуть-чуть лучше, т.к. есть сомнения в самом существовании коми-пермяцкого слова *корби*. Но этимологизация из карельского слова наталкивается на те же возражения, приведенные в основном тексте.

⁵² Там же, с. 106.

⁵³ Матвеев А.К. Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера// Вопросы топониматики. №5. Свердловск. 1971. - Вып. 5. - С. 7-34.

Беглый осмотр показывает, что марийские гидронимы встречаются в Вятско-Ветлужском междуречье едва ли не больше в северной его части, тогда как на территории самой республики Марий Эл распространены названия, которые не этимологизируются с использованием марийского языка. В первую очередь это касается наиболее значительных рек. Можно предположить, что марийское население там появилось сравнительно поздно, выселив, уничтожив или ассимилировав иное население. А на севере Вятско-Ветлужского междуречья, наоборот, марийцы были ассимилированы русскими, хотя сохранялись там вплоть до XVIII века.

На юго-востоке Кировской области мы видим картину, аналогичную восточным районам (см. предыдущий раздел): изоглоссы (границы топонимов соответствующего типа) марийских ойконимов расположены севернее изоглосс марийских гидронимов. Поскольку в принципе они моложе, это означает, что марийцы продвигались на север и восток, в пределы Кировской области, уже в историческое время.

Конечно, эти рассуждения и по поводу пермских, и по поводу марийских топонимов довольно умозрительны. Для уточнения вопроса необходимо проанализировать гидронимы (поскольку они могут быть образованы из более древних пластов языка) с неопознанными концами, т.к. могут существовать форманты, образованные от не сохранившихся в современных языках апеллятивов. В частности, не совсем ясно происхождение речных окончаний -нга, -еж, -ег, -ым (-им), -ум, -ик и т.п.

Прибалтийско-финские языки

На северо-западе Кировской области есть ареал гидронимов с финальным формантом *-юг*. Почти весь он находится в бассейне реки Юг (водная система Северной Двины), поэтому выходит за пределы рассмотрения этой работы. Однако этот формант встречается и в пограничных районах бассейна Вятки, а

один гидроним расположен довольно далеко за пределами основной изоглоссы (р. Мурдюг, лев. пр. Вятки).

В бассейне Северной Двины, а значит, возможно, и Юга обитала летописная заволочская чудь. Этноним *чудь* без уточнения применялся к прибалтийско-финскому народу – предкам эстонцев. Можно предположить, что и заволочская чудь была близка по языку к прибалтийской чуди.

Гидроформант *-юг* можно (предположительно) вывести из прафинноугорского **joke* ‘река’. Некоторые гидронимы с гидроформантом *-юг* (но не все) этимологизируются из прибалтийско-финских языков; например, Пинюг (пр. пр. Юга) можно сопоставить с фин. *rieni* или вепским *ren* ‘малый’.

Ареал форманта *-юг* относительно близок к местам проживания вепсов, поэтому, возможно, нужно привлекать инструменты этого языка. Впрочем, выдвигалась гипотеза о былом существовании на территории нынешних Костромской и Вологодской областей вымершего финноугорского языка. Некоторые исследователи относят его к прибалтийско-финской группе, другие считают, что он занимает промежуточное положение между прибалтийско-финскими языками и поволжско-финскими или пермскими.⁵⁴ Возможно, вымерший язык обитателей реки Юг составлял с этим языком одну особую группу. Проблема требует дальнейшего изучения, как и вопрос, нет ли других топонимов, принадлежащих к прибалтийско-финской либо к какой-то другой, вымершей, группе финноугорских языков.

Саамский язык

Саамский язык (либо, можно считать, группа родственных саамских языков) наиболее близок к прибалтийско-финской группе языков. Но поиск саамского следа имеет свои особенности. Дело в том, что саамы (лопари,

---

⁵⁴ *Матвеев А.К.* Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера// Вопросы топониматики. №5. Свердловск. 1971.- С. 7-34.

лапландцы) сильно отличаются от большинства финноугров в расовом отношении (они образуют особую лапландскую расу) и от всех народов – образом жизни и культурой. Саамский язык содержит целый ряд лексем из первобытного фонда, которые не относятся к финноугорским, в частности, обозначающих понятия, связанные с оленеводством и охотой на оленей – их исконными занятиями на протяжении тысячелетий.

Лопари были первыми оленеводами Европы, причем их способы ведения хозяйства совершенно оригинальны, непохожи ни на способы азиатских оленеводов, ни их ближайших соседей по Арктике – ненцев (которые пришли из Азии уже в историческое время).⁵⁵

Поэтому исследователи считают, что первоначально язык лопарей был иной, не финноугорский, а затем они переняли язык своих более многочисленных соседей, но оставив, в том числе, те слова, которым не нашлось аналогов в том диалекте финноугорского языка, который оказался доминирующим.

Некоторые лапранологи предполагают, что саамы (точнее, их генетические и культурные предки) были древнейшим (или одним из древнейших) народом Западной и Центральной Европы. Они заселяли ее от Испании до Финляндии, но затем были оттеснены в горы (в Пиренеи и Альпы) и на Север и вымирали по мере уничтожения оленьих стад, сохранившись только на территории нынешней Лапландии. Антропологи находят черты сходства с лапландцами (незначительную лапоноидность) у лигурийцев и коренных обитателей Альп.

Можно предположить, что предки лопарей занимали и всю лесную часть Восточной Европы. Антропологические данные этому не противоречат. Индекс уплощенности лица (по Г.Ф. Дебецу) неолитического населения лесной полосы Русской равнины (сборная серия) равен 45,0, что говорит о неевропеоидном характере населения (у европеоидов этот индекс от -16 до +20), и соотносим с современными лопарями (около 35, уменьшение может быть объяснимо

---

⁵⁵ См., например, *Bosi P. (Bosi R.) Лапландцы. Перевод с англ. М. 2004.*

незначительной метисацией, т.е. смешением с окружающими европеоидами).⁵⁶ Еще на заре исторического времени лопари жили значительно восточнее и южнее своей нынешней родины, например, в районе Ладожского и Онежского озер. Ареал саамских топонимов, по общепризнанному мнению, включает нынешнюю Карелию, Архангельскую и Вологодскую области (см. карту в статье Е.М. Поспелова⁵⁷), вплотную подходя к Кировской области с северо-запада. При этом сам же Поспелов вслед за М. Фасмером выводит и название р. *Луза* (пр. пр. Юга) из саамского (от саам. *лусс* ‘семга’)⁵⁸, хотя Луза протекает восточнее обозначенной им изоглоссы. И хотя эта этимология представляется более чем сомнительной (ее критика выходит за пределы этой работы), все же стоит поискать следы саамского языка на территории Кировской области, в т.ч. и в бас. Вятки. На территории Кировской области есть три деревни под названием *Лопари*: две в Слободском р-не и одна в Даровском.

Из гидронимов бас. Вятки стоит обратить внимание на речки *Нюнча* и *Нинча* (30 и 36 верст к СЗ от г. Вятки)⁵⁹. При этом основа *нюнь* является маркерной для саамской топонимики (при саам. *нюнь* ‘нос’, ср. русский географический термин *нос* ‘мыс’), тогда как основы *нин* и *люл* (недалеко течет р. *Люльченка*, возможно, от более раннего *Люлча) характерны для прибалтийско-финских топонимов.

Гидронимы с окончанием на *-юг* надо исследовать и на принадлежность к саамскому субстрату – при саам. *йогк* ‘река’.

---

⁵⁶ *Дебец Г.Ф.* О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики// Советская этнография. 1961. №6. - С. 52–69.

⁵⁷ *Поспелов Е.М.* О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике// Вопросы языкознания. 1965. №2. - С.36.

⁵⁸ *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. 2-е изд. М. 2002. – С. 247.

⁵⁹ Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. – С. 39 и 40.

Таким образом, можно заключить, что топонимические изыскания в саамском направлении могут быть продуктивными. При этом надо понимать, что близость каких-то элементов топонимов к саамским не обязательно означает, что их оставили генетические предки современных саамов, с их характерными культурными и антропологическими особенностями. Это могли быть те группы финноугорского по языку населения, которые передали генетическим предкам саамов свой язык, но их потомки были ассимилированы уже прибалтийскими финнами либо русскими.

Угорские языки

Угорские языки – группа финноугорских языков, включающая в себя венгерский язык и два обско-угорских языка: хантыйский и мансийский.

Появление угорских этносов в Вятском крае могло произойти в разные эпохи. В печати появлялись гипотезы об угорском характере некоторых исторических культур, имевших отношение к Вятской земле (ананьинской, пьяноборской). Особенно большую прессу получила дискуссия о прародине венгров. В этом отношении отмечались и вятские гидронимы с исходом на *-им (-ым)*.

В конце концов, большинство исследователей пришло к выводу, что искать прародину венгров севернее Южного Урала бессмысленно. Н. Д. Русинов отмечает незначительные венгерские следы в топонимике Нижегородской обл., где они могли оказаться на пути из сибирских степей в Паннонию.⁶⁰ Но, во-первых, достоверность этих следов сомнительна, а во-вторых, они в южной части Нижегородской области, т.е. в другой климатической зоне и на значительном расстоянии от рассматриваемой нами территории.

---

⁶⁰ Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород, 1994. – С. 43 и сл.

А.К. Матвеев, который занимался в том числе и угорской топонимикой, сначала допускал возможность угорской интерпретации гидронимов на *-им*, но наряду с финской.⁶¹ Однако в более поздней работе он фактически признал обе эти версии несостоятельными (как и для других гидронимов, заканчивающихся на носовую согласную с предшествующим гласным, определив их как «загадочные»⁶²).

С другой стороны:

из письменных источников мы знаем о сражениях вятчан с вогуличами (манси), значит, уже в историческое время обские угры обитали значительно ближе к Вятке, чем сейчас;

в Кировской обл., в т.ч. в бас. Вятки, немало гидронимов с исходом на *-я*, некоторые могут оказаться и угорскими (об этом мы говорили выше);

в бас. Вятки есть р. Сургут (пр. пр. Лудяны, лев. пр. Вятки), название которой совпадает с древним ойконимом в районе нынешнего расселения хантов; по мнению историка Сибири П.Н. Буцинского, Сургутом называлась целая область наподобие Нарыма⁶³; т.о. название вятской речки повторяет название хантыйской местности.

Впрочем, по мнению А.К. Матвеева, *Сургут* не этимологизируется из угорских языков.⁶⁴ Вятский гидроним *Сургут* можно попытаться объяснить, например, из балтийских языков, учитывая, что *-ut* – типичный балтийский

⁶¹ Матвеев А.К. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера// Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1970. - С. 116–124.

⁶² Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург. 1997. - С. 9-10.

⁶³ Буцинский П.Н. Из истории Сибири. Сургут и Сургутский уезд (1594 г. – 1645 г.)// Записки Императорского Харьковского университета : журнал. Вып. II. Харьков, 1893 — С. 59.

⁶⁴ Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург. 1997. - С. 120 и сл.

суффикс, широко представленный в балтийской гидронимии (ср. р. и оз. *Стергут* в Осташковском р-не Тверской обл., где балтизмы обычны)⁶⁵. Река *Сургут* расположена в районе, где есть и другие претенденты на объяснения из балтийских языков. В то же время название сибирского города звучит по-хантыйски *Суркунтл*⁶⁶, так что их созвучие, скорее всего, случайное.⁶⁷

Во всяком случае, наличие гидронима Сургут нельзя считать аргументом в пользу угорских следов в вятской топонимии. Но, конечно, гидронимы на *-я*, в т.ч. и *Юрья*, нужно проверить на возможную причастность к угорским языкам. Хотя с большой долей уверенности можно сказать, что угорские этносы, если когда-либо и обитали на каком-то участке Вятской земли, не оставили глубокого следа в вятской топонимии.

Самодийские языки

Самодийские языки входят вместе с финноугорскими в уральскую семью языков, хотя они разошлись очень давно (в раннем неолите или в субнеолите). Появление самодийцев на Вятке противоречит общепринятой историографии этих народов, поэтому выявление самодийских топонимов на этой территории можно считать невероятным. Разумеется, нахождение весомых аргументов в пользу самодийского происхождения хотя бы ряда топонимов потребовало бы пересмотра истории самодийских этносов, но пока такие перспективы не просматриваются.

---

⁶⁵ *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М. Наука, 1989, с.196 и сл.

⁶⁶ *Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург. 1997. - С. 121.

⁶⁷ Замечу, что есть и еще одна река с названием Сургут - в Самарском Заволжье (лев. пр. Сока, лев. пр. Волги).

9. Тюркские языки

Тюркские языки, языки многочисленных народов и народностей России, Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, а также некоторой части населения Ирана, Афганистана, Монголии, Китая, Болгарии, Румынии, Югославии и Албании. В России представлено 23 Т. я. Т. я. — родные языки коренного населения Башкирии, Татарии, Тувы, Чувашии, Якутии, Горного Алтая и Хакасии; части населения Дагестана (кумыки, ногайцы), Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (балкарцы, карачаевцы, ногайцы), Ставропольского края (ногайцы, трухмены). Т. я. наряду с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским, японским языками включаются в состав алтайской семьи языков. (БСЭ)

Кировская область непосредственно граничит с Татарией, в юго-восточных районах (Вятскополянский, Малмыжский) татары составляют значительную часть населения, поэтому не удивительно, что в бассейне Вятки встречаются тюркские (татарские) топонимы. Но это относится, в первую очередь, к названиям населенных пунктов. Тюркские гидронимы для бассейна Вятки не характерны. Впрочем, даже на территории Татарии они не образуют сплошного массива.

И всё же имеет смысл искать тюркское происхождение и среди гидронимов. Например, на Средней Вятке есть интересная «топонимическая пара» - рр. Вишкиль (пр. пр. Вятки) и Кишкиль (лев. пр. Вятки). Д. Захаров обратил внимание на тюркский, по его мнению, характер звучания названий этих рек, но его этимологии (например, от тюрк. *киши килды* 'люди пришли'), мягко говоря, не представляются удачными.⁶⁸

---

⁶⁸ Захаров Д.М. Краткий топонимический словарь Кировской области. Киров. 1988. С. 44.

С другой стороны, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев при анализе верхнеднепровских гидронимов выделили термин *киль* предположительно балтийского происхождения со значением ‘источник, родник’⁶⁹, а гидронимы *Киша* и *Кишма* в Нижегородской обл., по мнению Н.Д. Русинова, индоевропейские.⁷⁰ Основа *виш* вообще очень распространена в индоевропейской топонимике от Западной Германии до Урала. Так что и индоевропейская (балтийская) версия не лишена оснований.

Для гидронима *Вишкиль* можно рассмотреть и финноугорское происхождение при удм. *вис(к-)* ‘промежуток, междурядье, щель’, мар. *виш* ‘открытый; отверстие, щель, прогалина, промежуток’, коми *вис(к-)* ‘проток, загородка в протоке’. Правда, в рамках этой версии не удастся объяснить основу *кишк-*, а также исход этой пары гидронимов на *-иль*.

Во всяком случае, тюркскую версию происхождения этих гидронимов нельзя считать основной.

Большие основания найти тюркский след предоставляет название одного из крупнейших притоков Вятки – р. *Кильмезь*. Здесь мы также сталкиваемся с элементом *киль*, но уже в препозиции. И.С. Галкин считал, что в древнепермском языке было слово *мес* ‘водный источник’⁷¹; озвончение *с* в исходе гидронима, скорее всего, позднее. Если сопоставить гипотезу Топорова и Трубачева с гипотезой Галкина, то получается *Киль-мес ‘источник-источник’, но из разных языков. Подобные конструкции в топонимике встречаются, когда накладывается поздний топоформант на раннюю иноязычную, непонятную для позднего населения, основу: типа ‘река-река’. Но с данной семантикой этих элементов

⁶⁹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009. – С. 246.

⁷⁰ Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994. – С. 78 и сл.

⁷¹ Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финноугорской ономастики. Ижевск. 1989. - С. 42.

непонятно, как значение ‘источник’ может быть приложимо к довольно значительной реке (длина 270 км, средний расход воды 82 куб. м в сек. – немногим меньше, чем у Москвы-реки).

Скорее, можно предположить, что *-мес* – распространенный в тюркской топонимике суффикс, имеющий в разных тюркских языках различное значение.⁷² Ср., например, р. *Кисьмесь* (лев. пр. Казанки, Татария) или название острова на Аральском море *Барсакелмес*.

Обращает на себя внимание обилие отыменных ойконимов тюркского происхождения вблизи г. Кирова (*Бурмакино, Адышево, Галямово* и под.), а также ряд мелких гидронимов в этом районе, часть из которых тоже отыменные, похожих на тюркские или иранские (*Бахта, Бахтиарка, Шиям, Сандаловка*). Может быть, это следы когда-то более широкого расселения каринских татар или следы мифических «ивкинских татар»?

Каринские татары – этническая группа, проживающая в селе Карино Слободского р-на Кировской обл. и близлежащих населенных пунктах. Верующие – мусульмане. Говорят на диалекте татарского языка.

Ивкинские татары – мифическая этническая группа, упоминалась Д. М. Захаровым на основании данных фольклора.

При этом стоит обратить внимание, что татарами в старину называли многие тюркские народы, не обязательно имеющие непосредственную связь с казанскими татарами. При исследовании тюркских топонимов следует также

⁷² *Донидзе Г.И.* Глагольные топонимы в тюркских языках// Топонимика Востока. М. 1964. – С. 39 – 46; *Корнилов Г.Е.* Продолжение пробных статей этимологического «Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий»// Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения). 1975. Вып. 3. Чебоксары. - С. 123 – 132.

учесть, что, хотя тюркские языки довольно близки между собой, татарский и болгарский относятся к разным ветвям тюркских языков. Татарский язык, несмотря на то, что функционирует на той же территории, что и болгарский, не является его прямым наследником, а генетически восходит (как и большинство других тюркских языков) к золотоордынским, кыпчакским наречиям. Прямым же наследником болгарского является чувашский язык, довольно сильно отличающийся от татарского. Этот факт потенциально дает в руки историка важный инструмент. Учитывая, что связи с территорией нынешней Татарии намного более тесны, чем с территорией Чувашии, мы можем, определяя характер тюркских топонимов и личных имен, определять время их проникновения: до или после создания Золотой Орды (XIII в.). Иными словами, если топонимы имеют болгарско-чувашский характер, значит, вероятно их проникновение до или в начале XIII в. Если топонимы имеют кыпчакский или казанскотатарский характер, значит, наверняка они проникли в XIII в. или позже.

10. Неизвестные языки

Концепция вымершего языка для объяснения гидронимов на Севере России, не этимологизируемых из известных языков, довольно популярна; ее придерживался А.И. Попов⁷³ и его последователи. Наиболее плодотворно в этом направлении работал А.К. Матвеев, создатель екатеринбургской научной школы ономастики. На Русском Севере, в территорию которого он включил Костромскую, Вологодскую и часть Архангельской областей, Матвеев выявил как минимум три вымерших языка: мерянский язык, язык т.н. «северных финнов» и «южанский» язык создателей гидронимии с окончанием *-юг* (в бас. реки Юг и на близлежащих территориях).⁷⁴

---

⁷³ Попов А.И. Географические названия. Введение в топонимику. М.-Л. 1965.

⁷⁴ Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере - фантом или феномен? //

Ареал гидронимов на *-юг* частично захватывает и бас. Вятки. Имеются на Вятке и несколько гидронимов, похожих на «северофинские». Но основная часть гидронимии на рассматриваемой нами территории совершенно иная, другого типа.

В этой связи интересно вспомнить гипотезу лингвиста Б.А. Серебренникова, популярную в конце 50-х – 60-е годы, который предложил пересмотреть традиционные представления о финноугорском происхождении основного слоя дославянской топонимики Волго-Окского междуречья.⁷⁵

Столкнувшись с тем, что основная масса гидронимов на *-ма, -га, -ша* из современных языков не объясняется, он предположил, что в этой местности и шире – в бассейне Волги и на Русском Севере – обитал неизвестный и ныне вымерший народ, который он назвал *создателем Волго-Окской топонимии* (СВОТ). В ареал СВОТ, наряду с Московской, Ивановской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Вологодской и Архангельской областями (П.Н. Третьяков добавил еще и Владимирскую), Марийской и Мордовской республиками, отчасти Смоленской областью и Удмуртией, Серебренников включил и Кировскую область.

Эта теория активно обсуждалась как лингвистами, так и историками и археологами. Как всегда, их мнения разделились.

Одни, например Ч.А. Моора, соотносили СВОТ с поздним неолитом и ранней бронзой, с носителями культур боевых топоров и шнуровой керамики, в частности, с фатьяновцами (первая половина II тыс. до н. э.), относя

ВЯ. 1998. №5; *Матвеев А.К.* Древнее население севера Европейской России: Опыт лингвоэтнической карты I // Изв. Урал. гос. ун-та.: Гуманитарные науки, 1999. Вып. 2.

⁷⁵ *Серебренников Б.А.* Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 23-31; *Серебренников Б.А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в Центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Тр. АН Литов. ССР. Сер. «А». Вып. 1 (2). Вильнюс. 1957. - С. 69-73.

представителей этих культур к протобалтам или даже протобалто-славянам.⁷⁶ Но в таком случае вряд ли можно однозначно считать язык СВОТ вымершим...

Академик П.Н. Третьяков сомневался в столь долгом сохранении гидронимов. Он даже отказался от своих более ранних взглядов на культуру городищ дьякова типа (сер. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.) как финноугорскую, соотнеся эту культуру с СВОТ.⁷⁷ По его мнению, высказанному в этой работе, нет генетической связи между дьяковой культурой и поволжскими финноуграми; ареал этой культуры совпадает с ареалом СВОТ (в действительности, ареал СВОТ значительно шире – С.У.); язык СВОТ был особым индоевропейским, издавна смешивающимся с древней финноугорской речью; во второй половине I тысячелетия н. э. СВОТ были ассимилированы на западе своего ареала древними русами, а на востоке – поволжскими финнами.

Н.Д. Русинов в своих интересных работах по этнической истории Угличского и Нижегородского Поволжья придерживался первой точки зрения. Например, он однозначно трактовал гидронимы типа волго-окских как праиндоевропейские (с теми или иными диалектными особенностями), относящиеся к культурам типа фатьяновской или абашевской.⁷⁸

Но даже если язык СВОТ относился к II тысячелетию до н.э., он уже мог обладать определенными диалектными особенностями, затрудняющими интерпретацию с использованием аппарата живых языков и воссозданных прабалтославянского и праиндоевропейского. Нельзя исключать близости этого языка или диалекта с каким-либо известным вымершим языком. В этом плане

⁷⁶ *Моора Х.А.* О древней территории расселения балтийских племен// Советская археология. 1958. №2. – С. 9 – 23.

⁷⁷ *Третьяков П.Н.* Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья// Советская этнография. 1958. №4. - С. 9-17.

⁷⁸ *Русинов Н.Д.* Лингвистический очерк этнической истории Угличского Верхневолжья. Горький. 1988. Депон. в ИНИОН АН СССР, №35976 от 28.10.1988; *Русинов Н.Д.* Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994.

было бы интересно при этимологизации гидронимов на *-ма*, *-га*, *-ша* и подобных попробовать применить аппарат таких экзотических языков, как, например, тохарские, имеющих почти фантастические переключки со славянскими, а значит, их носители в какой-то исторический период обитали где-то поблизости от предков славян.⁷⁹

Неясные топонимы финноугорского типа на территории бас. Вятки встречаются, во всяком случае на первый взгляд, значительно реже неэтимологизируемых топонимов индоевропейского типа. В частности, гидронимы с конечными формантами *-ег*, *-еж* и *-им* (*-ым*) можно предположительно отнести к финноугорским. В этом плане стоит обратить внимание на с. Ухтым Богородского р-на на р. Ухтымке (лев. пр. Косы, лев. пр. Чепцы, лев. пр. Вятки), а также дер. Ухтым Нолинского р-на, Ухта Санчурского р-на и Ухтенино Лузского р-на – во всех четырех концах Кировской обл.! Формант *ухт* (*охт*) встречается чуть ли не на всей территории бывшего и нынешнего проживания финноугров: от Охты в Петербурге до Ухты в республике Коми и с. Охтеурье в Ханты-Мансийском округе, следовательно, можно предположить его общефинноугорский характер. Но в большинстве современных финноугорских языков похожего апеллятива нет, как нет и форманта *-ым*. Так или иначе, название Ухтым, во-первых, древнее, во-вторых, предположительно финноугорское, и, в-третьих, не объяснимое из современных языков. Но принадлежало оно предкам нынешних финноугров или исчезнувшему народу с особым финноугорским языком, остается пока неясным.

Мы уже говорили выше, что саамы в древности говорили на другом, не финноугорском языке. Поскольку пребывание саамов на Вятке в принципе возможно, стоит поискать следы этого языка, являвшегося для саамского субстратным.

---

⁷⁹ См., например, *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л. 1979. – С. 26 и сл.

11. Этноуказывающие топонимы

В бассейне Вятки, как и в других местах, есть топонимы (названия рек, населенных пунктов и местностей), на первый взгляд, прямо указывающие на этнический состав жителей этого населенного пункта или соответствующего района. Прежде, чем интерпретировать эти названия, коснемся общих принципов названия географических объектов по имени народа или этнической группы.

Если это крупный географический объект - большая река или местность, то он, естественно, может называться по имени народа, обитающего на его берегах или в этой местности во время называния. Причем, если местный этнос часто называет свою крупнейшую реку просто *река* или *большая вода* или что-то в этом роде на своем языке, то по имени этноса ее называют окружающие народы, для которых этнос, обитающий вокруг этой реки, является отличительным признаком реки. Например, река Оттава в Канаде по имени индейского племени названа так европейскими колонизаторами.

По имени этноса может быть назван и главный город этого этноса, либо уже вторично название местности могло распространиться и на наиболее значительный город, например, Париж от галльского племени *парисиев*, или Пермь по имени или народа, или местности *Пермь Великая*.

Что же касается мелких рек и населенных пунктов, то они не называются по имени господствующего народа в силу т.н. «принципа относительной негативности», потому что название этого народа не является отличительным признаком географического объекта. Наоборот, если деревня называется Черемиска, то это, как правило, означает, что черемисы в этой деревне жили в окружении других народов и достаточно было указания на этническую или племенную принадлежность населения для характеристики этой деревни. Или, другими словами, в пределах обозримой для окружающего населения ойкумены черемисы жили только в этой деревне, и этот факт отличал эту деревню от других.

И, наконец, третий способ называния, когда этноним входит в название населенного пункта как составной элемент, например, дер. Марийская Лиса или Русско-Тимкино. Такие названия появляются в местностях, где этносы живут чересполосно и этнический элемент отличает один населенный пункт от другого с подобным же названием (например, Большая Русская Лиса или Мари-Тимкино), но этнически другим населением.

Всегда нужно иметь в виду, что часть рассматриваемых топонимов могла быть образована не непосредственно от этнонима, а от личного имени (прозвища), совпадающего с этнонимом. Например название дер. *Лопари* может происходить от имени *Лопарь*. Само же имя или прозвище могло быть дано как за принадлежность к соответствующему этносу, так и за какие-то особенности внешности, характера или даже судьбы (*Афганец*, потому что воевал в Афганистане).

В современном перечне населенных пунктов Кировской обл. в названиях населенных пунктов мы встречаем 12 современных этносов.⁸⁰ Это русские, татары, удмурты (отяки, воть), марийцы (черемисы), коми (пермяки), саамы (лопари), чувашаи, башкиры, манси (вогулы), а также армяне, поляки и латыши. К этому можно добавить цыган из Списка 1876 г.⁸¹ Что касается армян, поляков и латышей, то названия с этими этнонимами исключительны (по два) и связаны, видимо, с организованными поселениями уже в новое время.⁸² Только одна деревня от имени вогулов в современном перечне, а в Списке 1876 г. их три.⁸³ Н.п. *Цыганы* (три названия из Списка 1876 г.), а также *Цыганово* и *Цыгановская*, возможно, от распространенного прозвищного имени.

---

⁸⁰ Кировская область. Административно-территориальное устройство. Киров. 1998.

⁸¹ Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. – С. 976.

⁸² Название дер. Армень, возможно, просто случайно созвучно этнониму.

⁸³ Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. – С. 846.

Ойконимы третьего типа (в которых название этноса является дополнительным элементом) действительно расположены в районах со смешанным населением. С марийским этнонимом – в южных Кикнурском, Лебяжском, Малмыжском, Пижанском, Санчурском, Тужинском, Уржумском, Яранском. С удмуртским этнонимом – в юго-восточных Малмыжском и Унинском. С татарским – в юго-восточных Кильмезском и Малмыжском. С русским этнонимом – в тех же или соседних районах: Кикнурском, Лебяжском, Пижанском, Санчурском, Советском, Унинском, Уржумском, Фаленском, Яранском.

Рассмотрим ойконимы второго типа (в котором название этноса является определяющим). Если исключить названия от этнонима *русский*, то все они находятся за пределами проживания топообразующих этносов, чаще всего – в некотором отдалении.

От этнонима *удмурт* (*отяк, воть*): в Лебяжском (с. *Вотское*), Слободском (дер. *Вотское*, Бобинский с. о., вблизи г. Кирова), Кирово-Чепецком (дер. *Отяцкое*, вблизи райцентра) районах. От этнонима *черемис* (мариец): в Котельническом р-не (дер. *Черемисская*, к югу от райцентра). От этнонима *пермяк* (коми): в Арбажском (дер. Пермяки), Мурашинском (дер. Пермята, к западу от райцентра, т. е. в сторону от республики Коми), Омутнинском (дер. Пермская), Оричевском (дер. Пермяки) и Унинском (дер. Пермяки) районах. (Заметим, что пермяками раньше называли всех коми: и собственно пермяков, и зюздинцев, и зырян.) От этнонима *татарин*: в центре и северной половине Кировской обл. – в Даровском, Кирово-Чепецком, Котельническом, Оричевском и Шабалинском (три деревни Татары) районах. Об этнониме *лопарь* мы уже говорили (см. выше).

Заметим, что во всех этих местностях, кроме нынешней территории Арбажского р-на, в Списке 1876 зафиксировано почти чисто русское население, а

на территории Арбажского р-на хотя и жили инородцы, но не было пермяков.⁸⁴ Это означает, что к XIX веку представители указанных народностей в деревнях и селах, основанных ими, были уже ассимилированы, что неудивительно, потому что, согласно принципам названия указанного нами второго типа, жили изолированно от своего этноса, в окружении русских.⁸⁵ Либо – второй вариант – названия этих населенных пунктов происходили не от этнонима, а от прозвищного имени, уже в свою очередь, возможно, происходящего от этнонима.

Не менее интересны топонимы второго типа с основой *русс-*. Обратимся сначала к географии.

Две деревни *Русские* в Куменском р-не, к югу и юго-востоку от Кирова. Одна - за пос. Нижнеивкино на р. Ирдым (пр. пр. Ивкины, лев. пр. Быстрицы, лев. пр. Вятки). Другая – за с. Вожгалы на р. Лыстан (лев. пр. Быстрицы). В Списке 1876 на р. Лыстан (Лыстань) числятся починок *Над Ключом Руских (Руские)*; поблизости, на р. Кырмыже, значится дер. *Русских*.⁸⁶

Две деревни *Русские* в Оричевском р-не, к западу от Кирова, за Оричами.

И два населенных пункта в пределах г. Кирова: с. *Русское* – к западу, дер. *Русское* – к югу.

Что есть общего в географическом положении у этих населенных пунктов? Все они расположены на Левобережье Средней Вятки, к югу от ее русла, не далее 70 км от г. Кирова, исторического центра русских поселений. По данным

⁸⁴ Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. – Сс. XXXIX и LIV.

⁸⁵ Согласно перечню 1869 г., в Вятском уезде вовсе не показано инородцев, но в предыдущие годы, по сообщению местной печати, встречались «обрусевшие вотяки», хотя и в небольшом числе [Вятские губернские ведомости. 1861 г., №10-14. – С. 91 и сл.].

⁸⁶ Список населенных мест по сведениям 1859 – 1873 гг. Т. 10. Вятская губерния. СПб. 1876. - Сс. 70 и 74.

Списка 1876 – это территория 100-процентного русского населения; в XIX в. здесь не зафиксировано ни одного (!) инородца.

Но есть и разница в географическом положении и топонимическом окружении этих ойконимов.

В частности, оричевские деревни расположены совсем близко от р. Вятки, на территории сплошной русской топонимии, причем рядом есть названия, сохранившие древние русские корни (с. Истобенск и р. Истобница, дер. Тиваненки – от *тиун*, диал. *тивун*). В других районах местоположения ойконимов с основой *рус-*, наряду со славянскими, имеются гидронимы иного происхождения.

Как же все это объяснить? Есть два возможных объяснения.

Первое: русские поселились в этих краях в окружении другого народа (других народов), который впоследствии полностью обрусел. От него сохранились только иноязычные топонимы, да и то не везде.

Второе: основная масса окружающего населения, хотя и говорила на древнерусском языке, не считала себя русскими, как не считали себя русскими новгородцы (они ездили в Киев, «в Русь»), как в более позднее время не считали себя русскими донские казаки. Этноним *русские* применялся только к жителям Русского государства, в которое Вятка до конца XV века не входила. Самосознание своей особенности могло сохраняться и дольше.

Вот, например, географическое сообщение книжника начала XV в. (с разночтениями и искажениями в различных списках, но в данном случае это не так важно):

«А се имяна местом и странам и землям и иноязычникомъ, живущим вкруг Перми: Двиняне, Устьяжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Гаиане, Вятчене, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь Великая, глаголемая Чюсовая...».⁸⁷ Здесь перечисляются «люди и страны» с

---

⁸⁷ *Епифаний* Повесть о Стефане, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб. 1862 г. – С. 123.

русским языком (двиняне и устюжане) наряду с иноязычными этносами (лопь, корела и т.д.). В сознании автора двиняне и устюжане, а также и вятчане, составляют один ряд с такими народами, как манси, саамы или карелы, т.е. являются, говоря современным языком, субэтносами.

12. Древние этносы

Топонимы могут нести в себе названия не только современных, но и древних этносов, исчезнувших «аки обре» или преобразившихся в ныне живущие народы. В одних случаях это могут быть названия народов, встречавшиеся когда-либо в древней литературе, но могут быть и этнонимы, воссозданные только по названиям географических объектов.

В летописное время в южной части бас. Северной Двины обитала *заволочская чудь*. По одной из многочисленных гипотез, с этим этносом (группой этносов) соотносится ареал гидронимов с окончанием на *-юг*, который охватывает бассейн р. Юг, одной из составляющих С. Двины, и прилегающий район бас. Вятки.

В настоящее время в Кировской области есть 3 населенных пункта с основой *чуд-*. Конечно, можно предположить, что они названы так от прозвищного имени (например, *Чудало или *Чудин). Но обратим внимание, что указанные ойконимы полностью укладываются в обозначенный выше ареал (дер. Чудалово Опаринского р-на, дер. Чудиновцы Мурашинского р-на и с. Чудиново на севере Орловского р-на), а за пределами этого ареала не встречаются. Т.о. с большой степенью достоверности можно считать, что названия этих населенных пунктов произошли именно от этнонима *чудь*, хотя, может быть, и опосредованно. Исходя из «принципа относительной негативности», мы должны предположить, что эти населенные пункты получали свои нынешние названия

тогда, когда большая часть чуди была уже ассимилирована русскими либо, как говорится в преданиях, «ушла под землю», а эти села оставались островками аборигенного населения.

Гипотезу о происхождении названия *Вятка* от этнонима я развернул в отдельную статью.⁸⁸

13. Некоторые важные этимологии. *Летка* и *Лекма*.

В бас. Вятки есть четыре реки с названием *Лекма*: Бол. Лекма (лев. пр. Вятки), М. Лекма (лев. пр. Б. Лекмы), Лекма (лев. пр. Чепцы, лев. пр. Вятки) и Лекма (пр. пр. Летки, пр. пр. Вятки).

Предлагаю в качестве гипотезы рассмотреть индоевропейскую этимологию этого гидронима. Ср. лит. *lėkti* `лететь, падать, мчаться; лтш. *lėkt* `прыгать, лететь`, англ. *leg* `нога, быстро идти, бежать`. Общеиндоевропейский корень *\*lek-* со значениями `конечность тела (голень, крыло), прыгать`. Суффикс *-ta* – обычный, часто отглагольный, индоевропейский (в дальнейшем – ИЕ) суффикс (ср., например, в рус.: *ведьма* от *ведать*). Правда, суффикс достаточно древний, в историческое время потерявший продуктивность. Семантика глагола, в принципе, может подойти и для гидронима, хотя и с некоторым сомнением: `прыгающая, скачущая, летящая, бегущая`. Исходя из возраста суффикса можно предположить и возраст гидронима как весьма значительный: скорее всего, не менее тысячи лет.

Самое интересное, что гидроним *Летка* (крупнейшим притоком реки с этим названием является *Лекма*), если рассматривать его как русское название, имеет то же значение, но в славянских языках. Семантика корня *лет-* не только `лететь`, но и `течь, быстро мчаться по воде`, а в диалектах также `быстро ходить, бегать`. Т. о. этот гидроним можно объяснить из русского: `летящая,

---

⁸⁸ Об имени «Вятка» // Альманах «Герценка»: Вятские записки. №12. - Киров. 2007. - Сс. 80 – 91.

быстро мчащаяся, бегущая`. В словарях (Даль и др.) зафиксирован и омонимичный апеллятив *летка* (*лётка*) `желобок, по которому идет мука из-под жернова`. Заметим также, что этимологически славянский корень *лет-* восходит к ИЕ корню **lek-*.

По грамматической конструкции (а также по географическому соседству) гидроним *Летка* примыкает к гидрониму *Вятка*, который уже общепризнано считается славянским или балто-славянским.⁸⁹

По словам О.Н. Трубачева, водные названия с суф. *-ка* - «типично славянская и весьма продуктивная словообразовательная модель в верхнеднепровской гидронимии».⁹⁰

Итак, можно предположить, что р. Летка со своим притоком Лекмой составляют топонимическую пару с тождественной семантикой, близкой морфологией, но из разных языков и эпох (диахроническую). Гипотетически гидроним Летка является славянской калькой (буквальным переводом) гидронима Лекма.⁹¹ Видимо, нынешняя Летка называлась Лекмой, может быть, «большой» Лекмой. Славяне стали называть ее по-своему – Леткой: им хотелось понятнее передать это образное и точное название реки, протекающей мимо крутых холмов Северных Увалов. А старое название осталось за ее притоком, который, может быть, назывался первоначально «малой» Лекмой.

Такое переименование могло происходить только в условиях двуязычия. Это означает, что, если моя гипотетическая этимология верна, славяноязычные группы населения непосредственно встречались и ассимилировали индоевропейские племена создателей гидронимов на *-ма*. Такую гипотезу

---

⁸⁹ Об имени «Вятка» // Альманах «Герценка»: Вятские записки. №12. - Киров. 2007. - Сс. 80 – 91.

⁹⁰ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М. 2003. – 489 с. – С. 277

⁹¹ У гидронима *Летка* есть аналог – р. *Летча*, лев. пр. Неруссы, лев. пр. Десны, лев. пр. Днепра. Обращает на себя внимание соответствие: *Вятка* и *Летка* в рассматриваемом регионе и *Вяча* и *Летча* в Верхнем Поднепровье.

выдвинул еще академик Третьяков для западной части Волго-Окского междуречья.⁹² Сейчас мы видим возможное подтверждение этой гипотезы для северной части бас. Вятки.

В северной части бас. Вятки есть еще несколько гидронимов на *-ма*, к которым можно применить этимологию с привлечением общеиндоевропейского лексического фонда, например, Молома, пр. пр. Вятки, и Волма, лев. пр. Просницы, лев. пр. Вятки.

Заметим, что Б.А. Серебрянников⁹³, а вслед за ним П.Н. Третьяков отмечали различие т.н. волго-окской топонимии (т.е. гидронимов на *-ма*, *-га* и *-ша*) и балтийской (летто-литовской) топонимии. По вятскому региону эти различия не прослеживаются. Многие корни (хотя и не все!) гидронимов рассматриваемого типа принадлежат как общеиндоевропейскому словарному фонду, так и балтийскому и славянскому. С одной стороны, общее можно объяснить родственностью языков; с другой стороны, различия можно объяснить диахронностью. Будущие сравнительные исследования могут быть очень продуктивными.

14. Пижда, Шижда, Шурма и Шошма

Этимологизация гидронимов на *-ма* в южной части бас. Вятки оказывается более затруднительной, чем в северной части.

Реки *Пижда* (пр. пр. Вятки) и *Шижда* (лев. пр. Вятки) составляют топонимическую пару; схожесть звучания налицо, расстояние между устьями

---

⁹² Третьяков П.Н. Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья // Советская этнография. 1958. №4 С. 11.

⁹³ Серебрянников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 23-31.

этих притоков около 20 км.⁹⁴ Напрашивается выделение основ **pig-* и **šig-* или же **piš-* и **šiš-* с последующим озвончением *š* перед звонкой *m*. Основа **pig-* есть в индоевропейских языках, например, в рус. *пигалица*, лтш. *pīga* ‘кукиш’ или греч. *πυγμαίος* ‘карлик, пигмей, человек-с-кулачок’, дорийское *πυγμή* ‘кулак’ (с тем же суффиксом *-m-*). Можно предположить, что этимон имел значение ‘палец’, ‘шишка’ с еще более ранним ‘острый конец’ (может быть, сюда же ит. *picca*, фр. *pic?*). Похожую семантику (наряду с производной ‘разбойник, леший’) имеет и слав. **šiš-*. Но если еще можно допустить (хотя и маловероятно) название реки со значением ‘разбойничья’ (рядом, кстати, есть пос. Разбойный Бор), то значение ‘шишка’ или ‘кулак’ никак не вяжется с гидронимом.

Другая версия более вероятна: основа **pig-* восходит к ИЕ корню **peig-* ‘пестрый, цветной’. В разных языках семантика слов, восходящих к этому корню, может варьироваться. Например, в др.-инд. *pingah* ‘коричнево-желтый’, что вполне применимо к речным названиям. Цветные определения вообще часты в названиях рек. Правда, в общеславянском *ei* перешло в *ě* (*pěg-*, откуда рус. *пегий*), но *ě* в северо-восточных диалектах очень часто переходит в *i* (ср. вят. *исти* ‘есть, кушать’⁹⁵; *симё* ‘семечки’; в *синёх* ‘в сенях’⁹⁶). Так что образование или, скорее, преобразование гидронима Пижма от основы **peig-* на славянской почве следует признать возможным. Но и в других языковых группах ИЕ семьи *ei* может переходить в *i*, например, лат. *pigmentum* от основы **peig-*.

Физические реалии говорят в пользу именно «цветной» гипотезы. По свидетельству тужинского журналиста и краеведа Е.А. Вершинина, «в реке

---

⁹⁴ Обратим внимание, что в бас. Печоры есть сходная топонимическая пара: *Пижда* и *Ижда*, обе реки - лев. притоки Печоры, устья расположены близко друг от друга. А в бас. вятской Пижды есть речка *Иж* (пр. пр. Пижды).

⁹⁵ Областной словарь вятских говоров. Вып. 4. Киров. 2006 (зафиксировано в 11-ти районах Кировской обл.).

⁹⁶ Устное сообщение С. Сырневой; услышано от уроженцев Лебяжского р-на Кировской обл. в 1960-х годах.

Пижме вода на вид красноватого цвета», хотя «пригодна для питья даже без кипячения».⁹⁷

Этимология гидронима Шижма остается неясной. Отметим лишь р. *Шижинку* в бас. Днепра, р. *Шижолку* в Тверской обл. (пр. пр. Ситни, лев. пр. Шелони) и наличие корня *šiš-* в балтийской гидронимии.⁹⁸

Река *Шурма* (пр. пр. Вятки, на совр. картах – *Шурминка*), конечно, не от удм. *шур* ‘река’ (ср. рр. *Лудошур*, *Бадзымишур*, *Косшур* и др. в Удмуртии). По законам финноугорских языков, подтверждаемым и в удмуртской гидронимии, формант, обозначающий вид топонима, может быть только в финальной позиции.

В то же время, учитывая наличие предположительно ИЕ суффикса *-ma*, логично обратиться к праиндоевропейскому наследию. В частности, можно обратить внимание на ИЕ **sū-ro* ‘горький, кислый, соленый’ (лит. *sūras* ‘соленый’, лтш. *sūrs* ‘горький’, др.-в.-нем. *sūr*, исл. *súr*, англ. *sour* ‘кислый’, перс. *šōr* ‘соленый’).

Отметим также рр. Шураб и Шур-Дарья в Таджикистане, где *аб* и *дарья* ‘река’.

Западную индоевропейскую версию тоже нельзя исключить. Изменение *s > š* могло произойти уже в позднее время под влиянием марийского языка (марийцы – один из этнических компонентов местного населения), в котором такой переход характерен для большинства диалектов.

С другой стороны, *š* на месте ожидаемого *s* часто встречается далеко за пределами как современного проживания марийцев, так и гипотетического обитания их языковых предков - и не только в бас. Вятки, но и по всему

---

⁹⁷ *Вершинин Е.А.* Повесть о земле Тужинской. Котельнич. 2006. С. 47.

⁹⁸ *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009, с. 301.

Русскому Северу (в топонимах как финноугорского, так и индоевропейского происхождения). Причем на Вятке встречаются гидронимы с сохраненным *s*; возможно, в определенных ареалах. Нельзя исключить того, что переход *s* > *š* как в марийских диалектах, так и в гидронимах объясняется наличием какого-то местного субстрата, имевшего не сплошной, а ареальный характер.

Что касается семантики, то она для водных объектов не редкость, ср., например, р. Солоня (пр. пр. Вятки). Но для того, чтобы принять эту этимологию, необходимо подтверждение природных особенностей реки. На берегах Шурминки с древних времен выплавляли железо и медь, скорее всего, из местных болотных руд. Могли ли эти руды придать особый вкус шурминской воде?

Впрочем, гипотетически можно рассмотреть целый ряд альтернативных этимологий, например, с учетом осет. ирон. *sūr*, дигор. *sor* 'сухой' или лтш. *šaura* 'узкая, тесная', *jūras šaurums* 'пролив', лит. *siaūra* 'узкая'. Балтийскому дифтонгу *ai* закономерно соответствует рус. *у*; ср. рус. диал. *шурпа* 'vulva'⁹⁹.

В бас. Вятки три реки с названием *Шошма*:

р. *Шошма*, пр. пр. Вятки;

р. *Шошма*, лев. пр. Ярани, пр. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки;

р. *Лесная Шошма*, лев. пр. Ярани.

Основа *шош*- распространена в гидронимах северо-западной России: р. *Шошка*, бас. р. Великой (Псковская обл.); р. *Шоша*, бас. р. Шексны; р. *Шоша*, пр. пр. Волги (Тверская и Московская обл.).

В.Н. Топоров сопоставляет гидроним *Шоша* с балтийскими названиями *Šašulys*, *Šašuola* и др.¹⁰⁰

⁹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I – IV. 1964 – 73/ ИДДК. 2004 (CD)

¹⁰⁰ Топоров В.Н. «Baltica» Подмосковья// Балто-славянский сборник. М. 1972. - С. 231.

Мне представляется логичным также сравнение с гидронимом *Сосна* (*Быстрая Сосна* и *Тихая Сосна*, лев. притоки Дона; две р. *Сосна* в бас. Верхнего Днепра и р. *Сосна* в бас. Оки) – с аналогичным, также распространенным в ИЕ гидронимии суффиксом *-na* вместо *-ta* (в названии Шошма в этом случае могла произойти замена $s > \check{s}$, аналогичная изложенной выше). Здесь также есть балтийские параллели: прус. *Sassyn*, *Sasne*, *Sassen*, лит. *Sasna*, латгал. *Sosini*, *Soseni*.¹⁰¹

Сопоставление гидронима *Шошма* с гидронимом *Сосна* представляется тем более убедительным, что у р. *Шошма*, пр. пр. Вятки, есть лев. приток *Сосна* (Балтасинский р-н Татарии).

Имеется несколько этимологий гидронима *Сосна*.

В.А. Никонов приводит этимологию Т. Лер-Сплавинского для озер *Сосно* в польском Поморье и сев. Белоруссии: от фин. *sose* (генитив *soseen*) ‘болото, грязь’.¹⁰²

В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев выводят днепровские гидронимы *Сосна* как результат ассимиляции из **Тъсна* < балт. **Tusno*.¹⁰³

Е.М. Поспелов приводит и более позднее мнение Топорова о связи с прус. *sasins* ‘заяц’.

Все эти этимологии выглядят неубедительно. Связь с фин. *sose* сомнительна как по географическим соображениям, так и по грамматическим. Суффикс *-na*, как и *-ta*, совершенно не характерен для финских гидронимов.

Ассимиляция $ts > ss$, может, наверное, произойти в отдельном случае, но вряд ли будет повторяться с завидным постоянством от Балтики до Татарии. Неслучайно и сам Топоров отказался от этой версии.

---

¹⁰¹ Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. 2-е изд. М. 2002. С. 393.

¹⁰² Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. 1966. С. 391.

¹⁰³ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009. - С. 295.

Правда, еще менее вероятным представляется семантика названия реки как `заячья`, что противоречит основополагающему принципу номинации географических названий, названному В.А. Никоновым «принципом относительной негативности»: зайцы водятся повсеместно, поэтому бессмысленно называть какие-то реки «заячьими».

Мне представляется более вероятным, что гидроним *Сосна* (как и, возможно, *Шошма*) не выводится от апеллятива *sasins* (и, разумеется, от апеллятива *сосна*), а возводится, как и эти апеллятивы, к общему этимону: ИЕ **k'as-* ‘серый’.¹⁰⁴ В разных языках семантика производных слов может несколько варьироваться, например: лат. *cānus* (< *casno-s) ‘серый, пепельно-серый, серебристый, седой’; д.-в.-н. *haso* ‘заяц’, *hasan* ‘серый, блестящий’, др.-исл. *hoss* ‘серо-коричневый’. В нашем случае (для рек) возможное значение ‘мутная’ или что-то вроде этого. Выше я уже отмечал, что «цветная» семантика для гидронимов – обычное дело.

Остается лишь добавить, что переход *k'>s* характерен для большей части индоевропейских языков, называемых сатемными (в т.ч. для балтийских и славянских)¹⁰⁵, а переход *a>o*, обычный для славянских языков, мог произойти уже в позднее время.

---

¹⁰⁴ См. этимологию слова *сосна* в Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I – IV. 1964 – 73/ ИДДК. 2004 (CD) и Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка». П т. 5-е изд. М. 2002. С. 191.

Другое мнение по поводу этимологизации слова *сосна* у О.Н. Трубачева. Оно изложено в дополнении к словарю Фасмера. Но для нас совершенно не важно, правы ли Брюкнер – Фасмер - Черных в отношении этимологии апеллятива *сосна*, или прав Трубачев. Важно, что изложенная этимология, в принципе, применима к гидрониму *Сосна*.

¹⁰⁵ Любопытно, что близ р. *Тихая Сосна* (лев. пр. Дона) есть р. *Мокрая Косна*. Если это не случайное совпадение, то имеется не «сатемизированный» (т.е. в котором не произошло перехода *k'>s*) вариант гидронима *Сосна*. Это можно объяснить или присутствием в прошлом в этом регионе носителей кентумного языка, или же реликтовым сохранением древнего названия, возникшего до начала сатемизации. Н.Д. Русинов считает, что такое явление могло быть, если названия были усвоены и законсервированы угрофиннами, а затем переданы

15. Немда

В бассейне Вятки две реки с таким названием (обе в южной части): лев. пр. Вятки и пр. пр. Пижмы. Есть реки-тезки и в более западных районах Восточной Европы:

р. *Немда* (вар. *Нёмда*), лев. пр. Волги;

р. *Немда* (вар. *Немеда*), лев. пр. Сева, лев. пр. Нерусы, лев. пр. Десны, лев. пр. Днепра.

С близким названием:

р. *Немед* (вар. *Немедь*), пр. пр. Свапы, пр. пр. Сейма, лев. пр. Десны;

р. *Неман* (*Нёман*, *Netinas*), Балтийское море;

р. *Нем*, лев. пр. Вычегды, пр. пр. Северной Двины;

р. *Неманка*, лев. пр. Сожи, лев. пр. Днепра;

р. *Мда*, лев. пр. Мсты, оз. Ильмень;

р. *Немдеж*, лев. пр. Немды, пр. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки;

р. *Немдеж*, лев. пр. Ярани, пр. пр. Пижмы, пр. пр. Вятки.

Этимологией этих гидронимов (вятские реки лишь изредка включались в рассмотрение) занимались многие видные лингвисты и топонимисты. Как всегда, их мнения разошлись. В итоге мы имеем минимум четыре версии.

1. От фин. *niemi* ‘мыс, наволок’ или близких слов языков прибалтийско-финской группы, которые в русской адаптации передаются как *нем*. Эта версия выдвинута еще в начале прошлого века А.Л. Погодиным.¹⁰⁶
2. Из старославянского языка: реки Мда и Немда от *Мьда и *Немьда ‘медленная’ и ‘не медленная’, ср. ст.-слав. *мьдъла*, рус.-цслав.

русским новопришельцам (*Русинов Н.Д.* Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994. - С. 86).

¹⁰⁶ Обзор лит. см. в *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М. 1966. - С. 289.

измъдѣти.¹⁰⁷ В.И. Топоров и О.Н. Трубачев по этому поводу: «Объяснение Фасмера... едва ли верно».¹⁰⁸

3. Из балтийских языков: через *Невда < *ne* + диал. *uda* 'вода'.¹⁰⁹
4. Из балтийского *Nem-d-a* с корнем *nem-* 'изгибать', так же, как в гидрониме *Nemunas*, и суффиксом *-d-*, тождественным или родственным древнеславянскому в таких словах, как рус. *гор-д-ый*, *моло-д-ой* и т.п.. Ср. гидроним *Sten-d-e* в Латвии.¹¹⁰

Все четыре этимологии имеют свои плюсы и минусы. Применительно к вятским рекам можно отметить следующее.

1. Отражение фин. *niemi* и под. действительно часто встречается в достоверно финноугорской топонимии – как в основах топонимов, так и в топоформантах. Но объяснить все вышеперечисленные топонимы финноугорским происхождением трудно уже по географическому критерию; анализ морфологии и семантики также не подкрепляет эту версию, которая применительно к днепровским, прибалтийским и новгородским гидронимам даже не упоминается в современных исследованиях. Чтобы применить финноугорскую версию для вятских гидронимов, нужно допустить случайное созвучие с днепровской Немдой. Кроме того, нужно объяснить столь далекое проникновение прибалтийско-финской топонимии, найти соответствующие примеры (а это юг Кировской области, а не северо-запад, где это более вероятно), а также понять возникновение суффикса или форманта *-да*.

---

¹⁰⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I – IV. 1964 – 73/ ИДДК. 2004 (CD). - II, с. 588 и III, с. 62.

¹⁰⁸ Топоров В.И., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009. - С. 278.

¹⁰⁹ Там же, сс. 237 и 278 - с пометками «неясно» и «возможно».

¹¹⁰ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. 1966. С. 289; Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994. – С. 58 и сл.

2. Семантически вторая версия очень подходит к Немде, пр. пр. Пижмы, которая хорошо известна бурным порожистым течением, но не хватает антитезы. Ни в ближайшем, ни в более отдаленном окружении нет рек с названием, означающим медленное течение, хотя частица *не-* предполагает противопоставление. На Немде, лев. пр. Вятки расположено старинное село Нема, название которого отражает вариант названия реки. Это означает, что *д* не входит в состав корня.
3. По этой же причине вызывает сомнение и третья версия. Она семантически (не-водная) не отражает особенностей этих рек. Кроме того, переход *в > м*, конечно, может иметь место, но как исключение, а не правило, которое выполняется с завидным постоянством в регионах, разделенных тысячами верст.
4. Четвертая версия не вызывает особых нареканий и вполне применима почти ко всем вышеперечисленным гидронимам, но она не является общепринятой ни для Немды, ни для Немана, поэтому нуждается в дополнительной проверке.

Во всяком случае, я склоняюсь к версии, что название это балто-славянское или, шире, индоевропейское, но чисто лингвистическими методами окончательно решить вопрос о происхождении гидронима Немда вряд ли возможно. Нужно исследовать все ареалы гидронимов с окончанием на *-да*. Один из таких ареалов вытянут по евразийским просторам на многие тысячи километров от Алтая до Балтийского моря. Он представляет собой сравнительно узкую полосу в южной части лесной зоны, расширяясь к Балтийскому морю, охватывая его с северо-востока и юго-востока.

Этот ареал удивительным образом почти повторяет физико-географическую зону смешанных лесов, захватывая и самую южную часть таежной зоны. Большинство гидронимов этого типа морфологически однотипны, двусложны, первый слог (основа) закрытый, из трех звуков, реже – двух. Это Конда и Тавда в Западной Сибири, Нерда и Салда на Урале, Сырда, Сунда и

Немда в бас. Вятки, Немда, Линда, Санда, Люнда, Пунда и Анда в Нижегородском Поволжье, Ковда в Карелии и Кунда в Эстонии и т.д.

В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев отмечают концентрацию гидронимов на *-да* к юго-востоку от Балтийского моря, в местности, когда-то населенной ятвягами, а также в крайней западной части днепровского бассейна.¹¹¹

16. Уржум и Курчум

Происхождение гидронимов с окончанием на *-ум* считается неясным. Эти гидронимы не образуют плотного ареала и имеют основы, соотносимые с различными языками. Для гидронимов *Уржум* (на современных картах *Уржумка*, пр. пр. Вятки, а также лев. пр. Волги в р-не Чебоксарской ГЭС) и *Курчум* (пр. пр. Вои, лев. пр. Вятки) предлагаю в качестве гипотезы рассмотреть происхождение от балто-славянских (балтийских, праславянских) основ *urg-* и *kurk-*, широко представленных в топонимике.

Корень *urg-* имеет звукоподражательное происхождение, ср. лтш. *urgt* ‘журчать’, *urga* ‘ручей’. Учитывая, что р. *Уржум* расположена внутри ареала гидронимов на *-ма*, можно предположить первоначальное название **Urg-jma* > **Uržma* с семантикой ‘журчащая’, ‘журчалка’, весьма распространенной в гидронимике.

Отражение дославянского *kurk-/kŕk-* присутствует в рус. *корчевать*, др.-рус. *кърчь*, рус. диал. *корч*, *корчь* ‘пень’, ‘дерево, вывороченное с корнем’, укр. *корч* ‘куст’, блр. *корч* ‘коряга’, серб. *крч* ‘раскорчеванное место’. В литовских местных названиях встречается основа *Kurke-*, которая восходит, видимо, к тому же корню.¹¹² Можно предположить, что первоначальное название реки было

¹¹¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009. - С. 236 и сл.

¹¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I – IV. 1964 – 73/ ИДДК. 2004 (CD). - II. С. 340.

*Kurk-jma > *Kurčma с семантикой ‘коряжистая’ или ‘протекающая по раскорчеванным местам’. Ср. рус. *корчма* с первоначальным значением ‘закусочная на пеньках’.

Преобразование *Uržma > *Уржум* и *Kurčma > *Курчум* могло произойти в языковой среде, не допускающей стечение трех согласных, т.е. в финноугорских (марийском или удмуртском) или тюркских (булгарском или татарском) языках, которые являлись адстратными по отношению к языку-создателю этих топонимов. В средние века бассейн Вятки (особенно его южная часть) входил в зону влияния Булгарии, затем Казани. В районе р. Уржум много татарских и марийских деревень и сел. О том, что иноязычные (видимо, татарские) поселения были в районе р. Курчум, говорят названия деревень *Тураны* и *Бежбалда*.

Подтверждением этих этимологий являются находящиеся поблизости от гидронима *Курчум* топонимы с созвучной основой и оформленные различными суффиксами:

-*ма* (т.е. таким же, как, по моему предположению, в процессе начальной номинации гидронима *Курчум*) – р. *Кырчма*, пр. пр. Кильмези;

- *ана* – р. *Кырчана* (на совр. картах Кырчанка), пр. пр. Вои; переход как в этом, так и в предыдущем случае *и* > *і* (*у* > *ы* в кириллической транскрипции), характерный для многих удмуртских диалектов, мог произойти под влиянием удмуртского адстрата;

-*а* – ур. *Б. Корча*, юг Унинского р-на Кировской обл. (*и* > *ь* > *о* на русской почве).

17. Данные диалектологии, антропонимики, фольклора и этнографии

Было бы очень важно для воссоздания этнической истории европейского Северо-Востока использовать данные диалектологии, фольклора и этнографии, которые необходимо исследовать в разных плоскостях: взаимодействие разных этнических групп русского населения, этническое воздействие русского

населения на финноугорское и тюркское, балтийского на русское, финноугорское и тюркское, финноугорского и тюркского на русское.

Конечно, диалектологические исследования проводились довольно скрупулезно, но применительно к этнической истории делались, как мне кажется, иногда поспешные заключения. В частности, из того факта, что Вятка входит в северную диалектную зону вместе с ее северо-западными соседями, делается вывод а priori, что Вятка заселялась с северо-запада, из вологодских земель, из Заволочья. Кроме того, «хорошо известно», что Вятка заселялась новгородцами.

Правда, миф о новгородском заселении как раз противоречит диалектологическим данным. Новгород и Псков относятся к другой диалектной зоне. Как отмечается в коллективной монографии ведущих диалектологов ИРЯ (речь идет о Средневековье), «Территории, расположенные к востоку от 36 градусов в.д. <...>, хотя и входили в состав Новгородской земли, так как были охвачены новгородской данью, не могут быть включены для данного периода в ареал новгородского диалекта...».¹¹³ Что же говорить о Вятке, которая расположена много восточнее 36 градусов и никогда не была «охвачена новгородской данью».

Более того, возвращаясь к топонимическому анализу, можно с уверенностью сказать, что новгородский элемент в русском населении Вятки был крайне мал, если не отсутствовал вовсе. «На основании анализа гидронимов можно косвенно судить о разговорных формах антропонимов, характерных для Новгородско-Псковских земель. К ним относится тип уменьшительных имен на –*хно* (*Грихно, Лехно, Дахно, Махно, Михно, Яхно*), –*ец*, (*Гринец*), –*ша* (*Вальша, Демша, Якуша*), –*ко* (*Панько, Юрко*). Разговорный язык переделывает имя *Фома*

---

¹¹³ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. Под ред. В.Г. Орловой. М. 1970 - С. 225.

на *Хома* (ср. *Хоменка*), *Фотиния* на *Фетиния* (ср. *Фетининское*)».¹¹⁴ Как отражение былой миграции на западе нынешней Вологодской области есть деревни и села с названиями, произведенными от характерных имен новгородского типа (например, четыре *Якушева*, четыре *Якушевских*, *Якушино*, два *Якшина* и три *Якинских*), реже они встречаются на востоке Вологодской области, а на Вятке – как редчайшее исключение.

Миграция на Вятку с ближнего запада и северо-запада (из Вологодской и Костромской областей) не противоречит диалектологическим данным, но хотелось бы получить доказательства именно такого направления миграции, если она вообще имела существенный характер. В пользу этого вектора миграции приводится факт распространения на Вятке таких фамилий как Устюжанин(ов), Вологжанин, Вычегжанин. Впрочем, хорошо известно, что в XVI – начале XVII в. с Вычегды и других районов Севера была не просто миграция, а повальное бегство в связи с постигшей тогда Север климатической катастрофой и значительным сокращением там хлебопашества. Но насколько была существенной эта миграция для жителей более южных мест с более плотным населением?

Что же касается более западных районов, то и там немало Вяткиных и Яранцевых, а в Костромской обл. есть село Вятско-Николаевское (Пыщугский р-н). В Нижегородской обл. миграция с Вятки играла важную роль, в первую очередь, в заселении Поветлужья и Заветлужья. Это отмечается лингвистами¹¹⁵ и сохранилось в преданиях местных жителей.¹¹⁶ Мы видим, что кроме миграции с запада на восток была и миграция в противоположном направлении, а также миграция в направлении север – юг и наоборот (на Печоре есть деревня Вятская,

---

¹¹⁴ *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М. 1989. - С. 71.

¹¹⁵ *Русинов Н.Д.* Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород. 1994. - С. 128.

¹¹⁶ *Морохин Н.В.* Нижегородский топонимический словарь. Н. Новгород. 1997. - Сс. 54, 61, 64 и мн. др.

черта г. Вуктыл). Ясно, что делать какие-либо выводы можно только после многостороннего изучения миграционных процессов, односторонний же подход может дать ложные результаты.

Для целей воссоздания этнической истории важно не только выделение особенностей диалектов, фонетических, грамматических и лексических, именно местных разновидностей фольклора, местных этнографических признаков, но и анализ их происхождения, взаимосвязи с другими этническими группами и этносами.

При этом следует иметь в виду, что общность определенных этнографических элементов у русского населения Вятки и других окраинных этнических групп (например, поморов) с окружающими этносами может быть вызвана не только заимствованием этих элементов у инородцев, но и обратными процессами, а также совместным заимствованием у третьих этносов. Этнографические и диалектные особенности окраинных групп могут быть зачастую объяснены их оторванностью от этнического ядра, что, в частности, выразилось в значительно более позднем принятии христианства и сохранении по этой причине языческих традиций. И даже сами эти традиции могли в значительной степени отличаться от традиций основного русского населения, предшествовавших введению христианства, - как вследствие географического, так и временного фактора.

К сожалению, для объективного анализа межэтнических связей имелись (и, может быть, имеются сейчас) не только мифологические препятствия (связанные с бытованием ложных мифов), но и идеологические. Например, в 20-е годы XX в. за «преуменьшение роли финно-угров в формировании русской народности» выдающийся археолог А.А. Спицын и этнограф Д.К. Зеленин были обвинены в национализме (А.В. Шмидт и др.). Спицын вскоре умер, а Зеленину пришлось «пересмотреть свои взгляды». Этот ярлык сохранялся еще в 1970 г.¹¹⁷

---

¹¹⁷ *Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности//* Материалы и исследования по археологии СССР. 179. Л. 1970. - С.119.

В заключение отметим наличие многочисленных балтийских заимствований в финноугорских языках (названия растений и животных, частей тела, цветов, временные термины, ономастика, религиозная лексика) – не только в прибалтийскофинских, но и в мордовских, марийском, удмуртском, коми-зырянском языках и даже в мансийском. Причем, многие балтийские заимствования, отмеченные в восточных финноугорских языках, не известны в западных.¹¹⁸ Этот факт отмечал еще в 1890 г. датский языковед Вильгельм Томсен (Thomsen), а позднее – Б.А. Серебренников, но он до сих пор не осмыслен историками.

18. Данные археологии. Интерпретации

Я уже говорил о том, что этническую принадлежность исторических культур на европейском Северо-Востоке и, в частности, в бассейне Вятки необходимо пересмотреть на основании объективных данных. Во всяком случае, интерпретация всех без исключения археологических культур до XI века как оставленных этносами, говорившими на финноугорских языках, не подтверждается однозначно данными топонимики. В действительности на Северо-Востоке происходили сложные этнические процессы, которые еще предстоит осмыслить.

Мы видим, что в гидронимии бассейна Вятки значительная часть названий не интерпретируется из финноугорских языков, либо такие этимологии наталкиваются на большие трудности. В то же время для многих из них можно предложить индоевропейские этимологии, в т.ч. балто-славянские, балтийские и русские (как древние, так и современные). Это относится как к крупнейшим рекам бассейна (*Вятка, Кобра, Пижма, Чепца, Великая, Молома, Летка, Быстрица, Холуница*), так и к мелким речкам. Для некоторых названий в южной

---

¹¹⁸ Гимбутас М. Балты. Перевод с англ. М. 2004. - С. 37.

части региона, например для гидронима *Кильмезь*, можно рассмотреть в качестве гипотезы тюркские этимологии. Среди финноугорских названий рек марийские и пермские составляют лишь небольшую часть, причем они локализованы по краям бассейна и относятся к притокам 2-го и 3-го порядков. В центре и на северо-западе бассейна можно предположить прибалтийско-финские и, может быть, другие финноугорские (не марийские и не пермские) названия. Создатели этих гидронимов не витали в безвоздушном пространстве, они должны были оставить материальные следы, многие из которых, вероятно, обнаружены, но не соотнесены с данными этносами.

В предыдущем разделе я упомянул о том, что за «преуменьшение роли финно-угров» академик Третьяков обвинял Спицына и Зеленина. Но в другой своей работе он писал о недопустимости и противоположной тенденции: «В нашей литературе, посвященной древней археологии и древней истории финно-угров, установилась одна традиция, с которой необходимо вести борьбу. Любая гипотеза или любой факт, касающиеся вопросов этногенеза, скажем, восточных славян, или скифов, или фракийцев, обычно сразу же берутся под придиричивый обстрел критики. От автора гипотезы требуются доказательства, которые далеко не всегда бывают. Что же касается финно-угорской проблематики, то здесь господствует относительное спокойствие. Считается аксиомой, что на севере в лесной полосе издавна жили финно-угры, что этногенетические процессы протекали здесь автохтонно и что здесь, собственно говоря, и спорить не о чем. Это, конечно, далеко не так».¹¹⁹ Эти критические замечания, по-видимому, нужно отнести и к самому Третьякову.

Приведу пример. В нижнем слое Староладожского городища были обнаружены остатки большого дома с очагом в центре. Этот слой относится к VII – VIII вв. По мнению Третьякова, «не вызывает сомнений», что это жилище большой славянской семьи, т.к. на этом городище нет изделий финноугорского

---

¹¹⁹ Третьяков П.Н. Волго-окская топонимия и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья// Советская этнография. 1958. №4. - С. 9-17.

происхождения.¹²⁰ На этой же странице, со ссылкой на М.В. Талицкого, Третьяков пишет: «...В области Прикамья на финно-угорских средневековых городищах также были исследованы остатки больших домов, близко напоминающих старолadoжское жилище». Вот так: дома, «близко напоминающие» славянские, но городища, в которых они расположены, «финно-угорские». Как иронически сказал раньше сам Третьяков: «Это считается аксиомой... и спорить не о чем».

19. Возможные направления археологических поисков

Уже самые первые русские археологи-любители обратили внимание на населенные пункты с названием «Городище». Без исключения вблизи таких деревень и сел действительно находились древние городища. Разумеется, эти названия моложе городищ. Но, как было отмечено выше, сохранились и очень древние названия населенных пунктов другой семантики, данные этносами, которые в историческое время не зафиксированы. Впрочем, я не исключаю, что реликтовые группы этих этносов могли сохраняться в глубинке вплоть до XVI века и при этом остаться не засвидетельствованными в документах, т.к. первые переписи населения на Вятке относятся к XVII в., а служителей церкви, составлявших более ранние документы, больше интересовала не национальность, не язык, а вероисповедание.

Как мне кажется, археолога, занимающегося Средневековьем, могли бы заинтересовать такие названия населенных пунктов, как Мундоро, Вожгалы, Истобенск, Тиваненки, Бажгала, Кукарка, Кукара, Ерпули, Карапули, Пайголово, Арское, Мотоус в Кировской обл., Варгалово в Вологодской обл., Гостиногорка в Республике Коми, Вожгора в Архангельской обл. и т.д. Конечно, список можно

---

¹²⁰ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности/ Материалы и исследования по археологии СССР. 179. Л. 1970. - С.149.

продолжить. Около некоторых из этих населенных пунктов обнаружены древние городища или могильники. В районе других, мне кажется, поиск археологических объектов может быть вполне продуктивным.

К сожалению, финансирование археологических раскопок сейчас близко к нулю, и даже хорошо известные объекты раскопаны лишь частично, так что о развернутом археологическом поиске можно только мечтать. И все же хотелось бы помечтать о поиске древней Вятки, отмеченной в «Списке русских городов дальних и ближних» XIV века.

Этот Список сопровождал многие летописные своды, составленные в разное время. Начинаясь он так «А се имена всем градом Рускым, далним и ближним». Вятка была поименована среди залесских городов: «А се Залескии: ... Новгород Нижнии, Курьмышь на Суре, Вятка, Городец, Юрьевец, Унжа, Плесо, Кострома, Устюг, Вологда...» и т.д. Известный источниковед академик Тихомиров определил время первичного составления этого списка: позже 1387 г. и до 1406 г., а «вернее же всего, между 1387 и 1392 гг.».¹²¹

На основании Списка и других документов того времени, в которых Вятка упоминается как город, главный историограф г. Кирова А.В. Эммаусский сделал вывод, что Хлынов первоначально назывался Вяткой.¹²² Но в этом умозаключении содержится нарушение логики: из того, что Хлынов был в 1781 г. переименован Екатериной II в Вятку, вовсе не следует, что древняя Вятка находилась именно на месте Хлынова. Это было бы логично, если б Екатерина или ее министры что-нибудь знали о местонахождении древней Вятки. Но в таком случае, безусловно, остались бы какие-то документальные свидетельства, но их нет.

---

¹²¹ Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних// Тихомиров М.Н. Русское летописание. М. 1979. – С. 83 – 137.

¹²² Эммаусский А.В. Вятка в XII – XV веках// Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров. 1995. С. 12 – 27.

Это переименование стало злой шуткой для будущих историков, у которых и мысли не возникало, что древний город Вятка мог быть в каком-то другом месте, как не в Кирове, который назывался Вяткой. Логическая связь между двумя городами только одна: оба названы по реке и одноименному краю, именно это название было определяющим, и главный город должен был получить это имя, чтобы быть узнаваемым за пределами края. Что же касается местоположения древней Вятки, то оно могло быть и на месте Хлынова, и на месте Никульчинского городища, и в любом другом месте Вятской земли. В пользу Никульчинского городища говорит хронологическое совпадение: город на месте этого городища захирел, по данным археологов, в конце XV века;¹²³ именно с этого времени в летописях и документах перестает упоминаться город Вятка, а появляются Хлынов и менее значимые Орлов и Котельнич. Название городища условное, оно названо так по близлежащему селу. Древний город называться христианским именем не мог, поскольку, по археологическим данным, появился задолго до христианизации края.

Очевидно, что какое-то имя у города, который стал известен потомкам как Никульчинское городище, было. Нельзя исключить, судя по масштабам городища, что он и назывался Вяткой, но фактов, подтверждающих это, нет.

Но есть одно свидетельство, которое может подсказать месторасположение древней Вятки. Это Книга Большому чертежу – описание старинной карты, сделанное в 1627 г.¹²⁴ Сама карта не сохранилась. Уже к 1627 г. она истребалась, поэтому и решено было сделать ее описание, оно известно в списках. Про карту (чертеж) в описании сказано, что «сделан был тот чертеж давно при прежних Государях». Высказывалось предположение, что чертеж был составлен либо

---

¹²³ Макаров Л. Д. Русские поселенцы на берегах Вятки (По данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995. - С. 76—91.

¹²⁴ Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л. 1950.

дополнен в 1600 г., возможно, на основе более старой карты, составленной при Иване Грозном.¹²⁵

Несмотря на отдельные описки, Книга Большому чертежу поражает своей точностью. Например, измерения длины реки Вятки (от верху до Котельнича 550 верст, а от Котельнича до усть реки Вятки 500 верст) соответствуют измерениям А.А. Тилло, проведенным в XIX в. (правда, впоследствии уточненным судовладельцем Булычевым).

Есть смысл просто процитировать «описание реки Вятки» (лл. 151 об., 152)¹²⁶:

«Река Вятка пала в реку Каму, с правые стороны; а вытекла река Вятка от верху реки Камы и потекла под Вяцкие города; на Вятке город Шестаков.

А ниже Шестакова 20 верст город Слобода; от Слободы 30 верст город Хлынов.

Ниже Хлынова 50 верст город Орловец; ниже Орловца 30 верст на Вятке город Котельничь».

И чуть дальше (л. 152 об.):

«А от устья реки Вятки 120 верст, на Вятке город Малмыш, а выше города Малмыша пала в Вятку река Шошма.

А по Вятке реке по Котельничь с верху город Вятка».

Как же так? Мы совершенно точно знаем, что города Вятки в то время не было. Сохранились многочисленные документы XVI – XVII вв., в которых упомянуты все вятские города, но Вятки среди них нет. Но не мог же составитель «Книги» или картограф выдумать город Вятку из головы?! Ответ на этот недоуменный вопрос имеется в той же «Книге» на предыдущем обороте и последующем листе. Читаем (л. 151):

«А ниже Ика реки 40 верст на реке на Каме город Чортов.

¹²⁵ *Спасский Г.И.* Книга, глаголемая Большой чертеж. М. 1846. Предисловие, с. V.

¹²⁶ Нумерация листов по: Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л. 1950.

А ниже Чортова города 50 верст пала в реку Каму река Вятка».

В одном из списков вместо *города* написано *городища*; в другом списке написано *городища* и переправлено на *города*. Города под названием *Чортов* никогда не существовало. Был и есть полуразрушенный замок болгарского феодала (X в.), который местные жители прозвали «Чертовым городищем», потому что там одни только «черти» живут. В научном обиходе это Елабужское городище, одна из четырех башен замка почти полностью сохранилась.¹²⁷ Конечно, поселение при замке и сам замок, когда они были населены, назывались как-то иначе, но это название утратилось. Поселение на месте этого городища было покинуто задолго до XVI в.

Итак, мы видим, что на «Большом чертеже» отмечались не только «живые» города, но и городища, но какой-то переписчик «Книги» исправлял слово *городище*, может быть, непонятное ему, на *город*.

Подобное мы видим чуть ниже (л. 153):

«А против Тетюшь и ниже Тетюшь на Волге по луговой стороне Болгары».

Город Болгар (Булгар) окончательно запустел в XV в.; рядом с крупным городищем в XVI в., может быть, и было село, но сёла на «Большом чертеже» не отмечались. Значит, речь идет опять о городище.

Таким образом, есть все основания считать, что под Вяткой в «Книге Большому чертежу» следует понимать городище, которое в то время было, вероятно, еще хорошо известно местным жителям. Началом конца древней Вятки, может быть, стал 1392 г., когда золотоордынский «Бектут царевич взял ратью Вятку».¹²⁸ «Взять ратью» по летописной терминологии можно только город. Возможно, город еще какое-то время существовал, но разрушения, надо

---

¹²⁷ *Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М. 1893. - с. 85-90.

¹²⁸ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М. 2000. - Л. 246.

полагать, были очень значительными, центр вятской земли переместился в Хлынов, а древняя Вятка заустела, превратившись в городище.

Обратим внимание, что упоминание о «городе» Вятке вынесено отдельно от перечисления «живых» городов. Составитель «Книги» как бы спохватывается: «А вот еще не написал про город Вятку!», выделяя ее этим из списка реально существовавших городов. Исследователи предполагают, что в распоряжении составителя «Книги» было два «Чертежа»: один 1600 г., другой более древний и хуже сохранившийся. Возможно, составитель сличал время от времени свое описание с более древней картой и обнаружил на ней неучтенный пункт: город (городище) Вятку. Может быть, потому, что эта древняя карта была более мелкого масштаба либо вообще не масштабирована, составитель не указал расстояние от Котельнича до древнего города Вятки.

Где же он располагался? Возможны две версии.

1. Составитель взял город Вятку именно со старой карты, а на ней было только два города: Котельнич и Вятка. Тогда местонахождение Вятки может быть где угодно выше Котельнича, в том числе на месте будущего Хлынова или Никульчинского городища.

2. Составитель взял город (городище) Вятку с карты (старой или более новой), на которой был и город Орловец (нынешний Орлов). В этом случае выходит, что Вятка располагалась между Котельничем и Орловым. На этом промежутке не много мест, подходящих для расположения города.

Первое: правый берег Вятки непосредственно выше Котельнича до устья Моломы. На нем расположена непрерывная цепь сельских поселений, входящих в преуспевающий некогда колхоз «Ленинская Искра». В конце этой гряды, непосредственно у устья Моломы, находится Ковровское городище. В этом случае из-за малого расстояния от Котельнича (7 км от центра Котельнича до крайней точки) составитель мог не иметь возможности определить расстояние по карте. Ковровское городище (XIII – XIV вв.) имеет площадь около 1 га. Принято

считать его первоначальным Котельничем.¹²⁹ Но нельзя исключить того, что это и была древняя Вятка. В пользу этого говорят находки на этом городище свинцовых подвесных печатей и печати-матрицы с надписью «печать Григориева».

Второе: левый берег Вятки в районе села Истобенск. На этом берегу расположено Тиваненковское городище I тысячелетия до н.э., но исключить новые находки нельзя, т.к. весь берег вряд ли тщательно обследован.

И, наконец, третье. Между Истобенском и Моломой река Вятка, судя по сохранившейся старице и ряду старичных озер, протекала на несколько километров севернее, соединяясь с Моломой близ села Юрьева. Тогда нижнее течение Моломы было руслом Вятки (правда, мы не знаем, когда это было). В этом случае район поиска древней Вятки расширяется, включая в себя правый берег Моломы от Юрьева до устья. В этом районе расположено Шабалинское городище XIII – XIV вв., в слое которого также была найдена свинцовая актовая печать.

20. Заключение.

Итак, мы наметили пути будущих исследований истории северо-востока Европы и, в частности, Вятской земли и сделали первый шаг в этих исследованиях. И на этом первом шагу мы смогли кое-что увидеть; древняя история Вятки стала хоть чуть-чуть, но не такой темной, какой она представлялась Костомарову. Уже сейчас можно сделать несколько предположений, которые дальнейшими исследованиями могут быть оформлены в гипотезы:

1. Миф о дорусском заселении бассейна Вятки предками марийцев и удмуртов вроде бы не находит подтверждения в топонимии.

---

¹²⁹ *Макаров Л. Д.* Русские поселенцы на берегах Вятки (По данным археологических исследований) // *Энциклопедия земли Вятской*. Т. 4. История. Киров, 1995. - С. 76—91.

2. Среди финноугорского населения края, скорее всего, преобладали племена, говорившие на языках иных групп, возможно, исчезнувших.

3. Определенную роль в истории края играли племена индоевропейской языковой семьи, сделавшие свой вклад в создание гидронимического субстрата (названий рек), возможно, еще с фатьяновского времени (последние 4 тысячи лет). По всей видимости, они соседствовали с племенами, говорившими на финноугорских языках. Это соседство находилось в постоянной динамике, как мирной, так и военной. При этом часть «генетических» индоевропейцев (т.е. генетические предки которых говорили на индоевропейских языках) могла принять какой-то финноугорский язык, ассимилироваться или быть вытеснена с определенных территорий, и наоборот.

4. Племена фатьяновской общности считаются предками славян, балтов и германцев. На территориях Среднего Поволжья и бассейна Вятки вроде бы выявляется определенный пласт балто-славянских топонимов, - наряду с другими индоевропейскими названиями, которые трудно соотнести с известными языками.

5. Кроме древних топонимов, предположительно индоевропейского происхождения, имеются топонимы (как названия мелких рек, так и населенных пунктов), которые имеют признаки современных балтийских языков. Это может означать историческую молодость этих названий и топонимическую преемственность, т.е. недавние предки создателей этих названий были мирно ассимилированы русскими и вошли в состав русского населения. (То же можно предположительно сказать и о прибалтийско-финских и тюркских жителях северной половины и центральной части Вятской земли.)

6. С некоторой вероятностью (при определенной смелости) можно предположить, что уже с IX – X вв. Вятка появляется в географических источниках того времени и на исторической арене как область, населенная славянами (сакалиба). Может быть, она считалась населенной этносом, внешнее название которого было похоже на этноним *венет*, от которого эта местность и

главная река получили свое имя. При этом надо учитывать многозначность толкования этих этнонимов.

7. Этническая история Вятской земли во многом схожа с этнической историей других исконных восточнославянских территорий. Можно предположить, что население Вятки участвовало в этногенезе русского народа наряду с населением других мест. При этом этническая и культурная история Вятки имела свои особенности, связанные с ее окраинным положением, большей связью с арабским и тюркским Востоком и меньшей - с Византией, поздней христианизацией, поздним включением в состав Древнерусского государства. Можно предположить на каком-то историческом этапе наличие собственной государственности, а также вхождение, может быть, на федеративной основе, в состав иных государственных или полугосударственных образований.

8. Этническая история северо-востока Европы, в том числе Вятки, не может игнорироваться при исследованиях этногенеза восточных славян и русских, в частности, т.к. население указанных территорий также участвовало в этом процессе. Учет этого фактора дополнит и уточнит историю русского этногенеза.

Сергей Ухов

2006 - 2016 гг.

svu_nn@bk.ru

Сокращения

англ.	английский
балт.	прабалтийский или общебалтийский
бас.	бассейн
блр.	белорусский

вар.	вариант
греч.	греческий
диал.	диалектный
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-рус.	древнерусский
жем.	жемайтский диалект литовского языка
ИЕ	праиндоевропейский (общеиндоевропейский)
исл.	исландский
ит.	итальянский
Л.	лист
лат.	латинский
лев. пр.	левый приток
лит.	литовский
лтш.	латышский
мар.	марийский
нем.	немецкий
об.	оборот
перс.	персидский
польск.	польский
пр. пр.	правый приток
прус.	древнепруссский
рус.	русский
рус.-цслав.	язык церковнославянских памятников русского извода
С.	страница
саам.	саамский
серб.	сербохорватский
ср.	сравните
Сс.	страницы
ст.-слав.	старославянский

удм.	удмуртский
укр.	украинский
фин.	финский
фр.	французский
тюрк.	тюркский

Написание р. *Бисерть* (пр. пр. Уфы, пр. пр. Белой, лев. пр. Камы) означает: «река *Бисерть*, правый приток Уфы, правого притока Белой, левого притока Камы).